

Шмидт В.Р.

**ИНТЕГРАЦИЯ ПОДРОСТКОВ
В КОНФЛИКТЕ С ЗАКОНОМ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Москва, 2007

ББК

Шмидт В.Р.

Интеграция подростков в конфликте с законом: зарубежный опыт. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2007. – 120 с.

Проблемы интеграции подростков в конфликте с законом рассматриваются в контексте развития уголовного правосудия и социальной работы. Представлены различные основания для типизации моделей ювенальной юстиции, на основании которых изучены тенденции развития ювенальной юстиции в России. Пособие нацелено не только на ознакомление с зарубежным опытом, но и на развитие приемов анализа возможностей и ограничений применения этого опыта. Пособие включает две главы и описание развития ювенальной юстиции пяти стран.

ISBN

*Издано при поддержке
Института «Открытое Общество»*

© Шмидт В.Р., 2007.

© РОО "Центр содействия реформе уголовного правосудия", 2007

Содержание

Введение	4
Глава 1 Вызовы современной ювенальной юстиции	5
§ 1 Ретроспектива развития ювенальной юстиции	12
§ 2 Ювенальная юстиция в современной концепции прав человека	16
§ 3 Ювенальная юстиция: государственный заказ или общественно значимый институт	25
§ 4 Ювенальная юстиция и уголовное правосудие: различия и сходства	35
Глава 2 Проблемы интеграции осужденных и разнообразие путей их решения	
§ 1 Дилеммы интеграции осужденных	51
§ 2 Дилемма Гражданские свободы или социальные права	55
§ 3 Дилемма реабилитация или наказание	64
§ 4 Дилемма профессионал vs волонтер США: от обособленной юстиции для подростков к рестриктивному правосудию	73
<i>США: от обособленной юстиции для подростков к рестриктивному правосудию</i>	84
<i>Нидерланды: от гуманной системы уголовного правосудия для всех к общей рестриктивной модели юстиции</i>	91
<i>Германия: ювенальная юстиция как обобщение успешной практики</i>	98
<i>Великобритания: неустойчивый баланс противоположных тенденций</i>	106
<i>Польша: двухслойная система ювенальной юстиции</i>	109

Введение

Данное пособие направлено на решение задачи сопровождения несовершеннолетних заключенных¹. Но у приступающего к чтению может возникнуть вопрос «К чему столь широкий круг обсуждаемых проблем, если речь идет о конкретной задаче сопровождения осужденного?». Для отечественной практики понятие «(социальное) сопровождение осужденных» привычно – в практике других стран трудно найти абсолютный аналог такого определения. Наиболее близкими можно считать устоявшиеся в англосаксонской модели понятия *throughcare* (букв. – «забота сквозь, на протяжении»), более новое понятие, введено в оборот британского уголовного правосудия в 1986 г., а, например, в Австралии – в 2001 г.) и укоренившийся термин *aftercare* (букв. – «забота после»), а так же неформальное определение «*reentry*» (букв. – повторный вход, восстановление), который в ходу у юристов США. Однако в первую очередь данные термины обозначают определенные организационные дизайны – систему взаимодействия служб, обеспечивающую вхождение освободившегося в социум.

Понятие «сопровождение» имеет менее конкретизированное значение. Одновременно с этим можно указать на разницу в соотношениях понятий – на Западе вопросы сопровождения заключенных после освобождения практически не рассматриваются в отрыве от задачи интеграции тех, кто совершает правонарушение, а значит, в тесной связи с проблемой альтернативных мер наказания и развития восстановительного правосудия. Можно ли выстроить эффективную систему сопровождения заключенных вне учета контекста общих условий интеграции людей с опытом асоциального поведения? Для читателей вопрос может остаться открытым, но для автора выбора не

---

¹ Часть материалов пособия была собрана при поддержке фонда Форда в рамках проекта Информ-Успех (2004-2006 гг.).

остается – важно рассмотреть проблему сопровождения заключенных в рамках разных контекстов, шаг за шагом увязывая эти контексты между собой. В сознании тех, кто принимает и реализует решения в области сопровождения заключенных, должны уживаться две, на первый взгляд, разнонаправленные тенденции – с одной стороны, умение увидеть как можно больше проблем, в которые встроено сопровождение, с другой стороны, способность увязать выявленные контексты и направить усилия по улучшению ситуации именно в их связку. Эту задачу решает жанр данного пособия, интерактивный учебник – читателю придется усваивать не только знание и подход к информации, но и полемизировать с позицией автора.

Чтобы убедиться в том, что Вам стоит потратить время на предложенное пособие, выполните следующее задание:

Задание

Просмотрите ниже приведенные вопросы – выберите три, которые кажутся вам наиболее важными для рассмотрения проблемы интеграции осужденных в социум.

1. Можно ли выделить центральную (основную) причину для объяснения преступления и делинквентного поведения?
2. Возможно и нужно ли прогнозировать поведение подростка в области совершения насильственных действий?
3. При каких политических и социальных условиях возможно плодотворное исследование взаимосвязи между опытом насилия над детьми и дальнейшим их уходом в девиантное поведение?
4. Означает ли применение к подросткам «взрослых» мер наказания снижение эффекта реабилитации?
5. Несет ли ответственность среда за формирование криминальных групп подростков, следует ли фиксировать эту ответственность в законе?
6. Эффективны ли особые меры (ювенальные суды, помещение в особые учреждения), которые применяются к подросткам?

7. Насколько популярно среди населения применение жестких мер наказания и почему? Каков вклад общественного мнения в интеграцию осужденных?
8. С какими вызовами сталкиваются подростки, которые нуждаются в реабилитации?
9. Насколько важно работать со школьной средой для предупреждения делинквентного поведения?
10. Достаточно ли проведено исследований для оценки вклада гендера, принадлежности этническому меньшинству, другим социальным факторам в понимание процессов реабилитации девиантного поведения?

Пояснения к заданию

Вопросы заимствованы из одного зарубежного пособия по проблемам ювенальной юстиции. Выбор в пользу того или иного вопроса, как и совокупность сделанных вами выборов, показывают готовность перейти от узкого, специализированного взгляда на проблему интеграции молодых правонарушителей к междисциплинарному подходу.

Вопросы 1, 2, 8 центрированы на подростке – личность и поведение представляются важными аспектами в принятии решений относительно интеграции. Эта тема в данном пособии будет рассматриваться в рамках сравнения традиционного и радикального подходов к психосоциальной помощи подросткам, совершающим противоправные действия. Радикальный подход в отличие от традиционного сосредоточен на проблеме смысложизненных ориентаций подростка – девиация от социальной нормы рассматривается как следствие того, что подросток не может решить, что страшнее, жить и быть в непредсказуемом мире или не жить, уйти от социума в мир преступлений, деструктивное поведение.

Вопросы 3, 5, 7, 9, 10 адресованы социальным и политическим контекстам проблем делинквентности и интеграции людей с девиантным поведением. Если ваши выборы приходятся на вопросы 5 и 9, то общество для вас – вполне конкретные люди, на которых имеет смысл влиять, если ваш выбор в поль-

зу 3, 7 и 10 – то вас интересует научный аспект проблемы, а практическое воплощение решений – в меньшей степени.

Вопросы 4 и 6 заостряют проблему справедливости применения мер наказания к подросткам – чтобы искать ответ на этот вопрос, приходится соотносить юридический и этический подходы к решению вопроса о критериях оценки эффективности вмешательства в жизнь девиантного подростка. Конечно, специалист может ограничиться только правовым или только аксиологическим – однако следование какому-то одному профилю неизменно приводит к конфликту формального и неформального подходов.

Просмотрите сделанный вами выбор – представлены ли в нем вопросы из каждой группы; как вы связываете выбранные вопросы; какие невыбранные вами вопросы кажутся теперь также важными. Если ответы на вопросы стали менее очевидными – это пособие стоит прочесть, чтобы освоить разные подходы к пониманию проблем интеграции осужденных.

Для чего следует обращаться к зарубежному опыту?

Обращение отечественных специалистов к зарубежному опыту реабилитации подростков «в конфликте с законом»² состоит в заимствовании модной риторики («правильных» терминов и названий подходов)³, а также частичном переносе правовых, психологических и социальных технологий помощи в российские условия. Понимание деталей контекста, в ко-

² Child in conflict with law – политкорректное, по версии международных организаций, определение несовершеннолетних, совершивших правонарушение.

³ За рубежом выработано много терминов, обозначающих содействие в возвращении правонарушителя к социально одобряемой жизни: реабилитация; ре-социализация, инклюзия. В данном обзоре используется термин «интеграция» – восстановление общественных связей, обеспечивающих доступ к социальным благам и принимаемым социумом образом жизни. Данный термин употребляется и в официальных документах международных организаций (UNICEF, UNDP).

тором существует социальная интеграция правонарушителей в других странах, представлено существенно меньше, чем собственно само заимствование этого опыта – отечественная практика в этой сфере напоминает лоскутное одеяло без единой основы. Поэтому и отношение к зарубежному опыту делится на два противоположных мнения: с одной стороны, принятие и употребление без особого осмысления, с другой стороны, полное отрицание необходимости изучать такой опыт с отсылкой к несхожести российской и любой западной системы помощи осужденным в интеграции. Хотя уточняющий вопрос «А чем именно так отличаются российские и зарубежные условия?» часто ставит в тупик противников изучения зарубежного опыта.

Опыт других стран в условиях России и Восточной Европы ограничен в употреблении и в силу мифа об особой успешности реабилитационных программ в развитых странах. Однако это не так, большинство практиков и теоретиков разных стран сходятся в том, что 90-е годы – период кризиса в системе реабилитации осужденных. И тогда обращение к опыту других стран приобретает значение, отличное от копирования технологий в том или ином объеме.

Зарубежный опыт следует изучать – в первую очередь для того, чтобы выработать приемы анализа и решения проблем в ходе интеграции осужденных. Аналитики других стран предлагают комплексные критерии анализа и самые разные показатели эффективности программ социальной интеграции правонарушителей.

Разнообразие мнений относительно проблемы социальной интеграции правонарушителей, а в более широком контексте – поведенцев ⁴, отражает сложность задачи возвращения пре-

---

⁴ Этим термином обозначают не только тех, кто совершает преступления, но и тех, кто ведет образ жизни, далекий от общественных норм: бездомные, люди с очень низким уровнем дохода и находящиеся на дотации государства, химически зависимые и т.д.

ступивших закон. в социум, тем более, что для многих стран все более сомнительной становится готовность общества ждать и принимать ре-социализирующихся правонарушителей. Комплексность анализа проблем реабилитации осужденных обеспечивается тем, что данная проблема в подавляющем большинстве зарубежных исследований встроена в разные контексты:

- социальные изменения (обращение к проблеме интеграции осужденных соблазнительно для многих критиков и сторонников самых разных политических и социально-экономических реформ);
- рассмотрение проблем уголовного правосудия (как изменения организационного дизайна системы правосудия влияют на реабилитацию осужденных);
- взаимосвязь социальных реформ и преобразования уголовного правосудия, когда уголовное правосудие рассматривается не только как совокупность судебной власти и системы исполнения наказаний, но как система формальных и неформальных институтов, предупреждающих преступность.

В одних странах реформы уголовного правосудия оказались самым тесным образом связаны с преобразованием ювенальной юстиции (Нидерланды, Германия), в других странах такой жесткой связи не наблюдалось – наоборот, ювенальная юстиция существовала и/или продолжает существовать достаточно независимо от общего хода развития уголовного правосудия (Италия, Дания). Да и сама связь между уголовным правосудием и ювенальной юстицией в разных случаях имеет разную валентность: положительную (Нидерланды) или отрицательную (США) с точки зрения эффективности социальной интеграции несовершеннолетних. Либерализация социальной сферы и ожесточение общественного мнения взаимообусловлены – без негативного отношения социума к проблеме осужденных многие реформы по усилению карательной компоненты были бы невозможны. Схожие процессы происходят и в России – однако в отличии от западных стран в отечествен-

ных условиях нет сформированной традиции критиковать либеральные реформы. Более того, для многих участников процесса интеграции осужденных остается невдомек, что либерализация социальной сферы вовсе не означает формирования дополнительных условий обеспечения прав и свобод. Поэтому негативные последствия стихийной и направленной либерализации социального сектора остаются вне зоны осмысления теми, кто решает задачу интеграции осужденных.

Социальная работа во многих странах стала альтернативой либеральным реформам – радикальность проникла в сознание специалистов и определила их участие в создании компенсаторных механизмов для негативных последствий либеральных реформ. Одни страны действовали через де-институционализацию закрытых учреждений (Италия, Нидерланды), другие – посредством развития семейно-центрированных форм помощи (Франция, Бельгия), в третьих социальные службы «применялись» к либеральному дизайну и старались извлечь из него лучшее (Великобритания, Канада). Однако каким путем может пойти Россия, и как в отечественных условиях сформировать ресурс такой социальной работы, которая бы не ограничивалась выполнением функции «уличного чиновника», того, кто проводит политику государства, но и того, кто может раньше других распознать негативные последствия такой политики и предпринять некие действия?

Вариативность проявления разных факторов в разных странах подтверждает необходимость обращения к сравнительному анализу. Случаи по странам представляют интерес с точки зрения вариантов взаимовлияния разных факторов, мешающих и содействующих интеграции несовершеннолетних правонарушителей. Аналитическое описание по отдельным странам представлено в Приложении, а сравнительный анализ – в первом разделе. Задача читателя – не найти самый подходящий и близкий вариант реализации, но разобраться с последствиями разных способов решения задачи интеграции осужденных. Хорошо ли, когда службы пробации сосредото-

чены на реабилитации осужденных и, по сути, представляют собой социальный сервис? Однозначного ответа на этот вопрос, как покажет вам изучение опыта, например, Великобритании, нет: «да» – потому что службы пробации гуманны и компенсируют рестриктивный характер поведения полиции, «нет» – потому что люди, совершившие тяжкие преступления, остаются вне зоны внимания таких про-социальных служб пробации. Но и усиление в службах пробации контроля и карательных мер имеет и позитивные, и негативные последствия. Однако несовершенство решений не означает разрешение не принимать их – именно поэтому важно учитывать опыт других стран, которые успели реализовать разные решения.

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

§ 1. Ретроспектива развития ювенальной юстиции

Ювенальная юстиция – один из основных источников развития реабилитации несовершеннолетних, совершивших правонарушение. Изменение отношения общества, социальных служб и государства к идее реабилитации подростков с делинквентным поведением во многом обусловлено становлением ювенальной юстиции⁵.

Историю развития ювенальной юстиции условно можно разделить на несколько периодов:

- первая половина 20 в. – формирование основ классической модели ювенальной юстиции, которую современные западные исследователи определяют как «гуманитарный патернализм»;
- 60–70 гг. 20 в. – кризис классической модели ювенальной юстиции, расцвет правового реализма и усиление карательной функции в отношении несовершеннолетних;
- 70–90 гг. 20 в. – менеджериализация ювенальной юстиции под воздействием либерализации системы уголовного правосудия и социального сектора в целом;
- С 90-х гг. по настоящий период – развитие новых форм ювенальной юстиции: де-криминализации, восстановительного правосудия, семейно-центрированных и т.д.

Данная периодизация правомерна для большинства европейских стран, США и Канады, однако в Италии, Испании

⁵ Во многих развитых странах интеграция освободившихся подростков встроена в реабилитационные программы ювенальной юстиции.

ювенальная юстиция возникает много позднее, уже во второй половине 20 в., и практически немедленно сливается с развитием восстановительного правосудия и/или демократизации уголовного правосудия в целом.

Формирование классической модели ювенальной юстиции под слоганом «Ребенок не может быть преступником, он – жертва обстоятельств» основывалось на ряде принципов:

1. Интересы ребенка – прежде всего, выше интересов служб и семьи. Соответственно, институты, которые представляют интересы ребенка, имеют значительные права на вмешательство в жизнь семей и служб в случае ущемления прав ребенка.

2. Вместо принципа «соответствие наказания преступлению» – принцип пресечения в соответствии с обстоятельствами жизни и ориентацией на оптимистическую гипотезу развития ребенка.

3. Не наказание, но коррекция – в ряде стран возникла тенденция не доводить дело до суда и получения ребенком судимости, опираться не столько на институты уголовного правосудия (суды и прокуратуру), сколько на социальные службы.

4. Минимизация формального характера судебной процедуры: закрытые слушания, принятие интересов ребенка как довод в пользу неразглашения информации и т.д. Закрытость системы во имя права на частную жизнь.

5. Вместо применения единых законов рассмотрение индивидуальных случаев. По своей миссии ювенальный судья был, скорее, доктором или психологом, способным распознавать потребности ребенка и ограничения в их реализации, чем судьей, определяющим суть преступления и соответствующую меру наказания⁶.

До 70-х гг. эти основы ювенальной юстиции оставались незыблемыми. Некоторые изменения, произошедшие в начале

⁶ *Junger-Tas J. Youth Justice in the Netherlands // Crime and justice. 2004. Vol.31. P. 315-316.*

60 гг., касались усиления компоненты образования подростков, совершивших правонарушение. Однако классическая модель ювенальной юстиции создала патерналистскую модель отношения к несовершеннолетним правонарушителям – когда властные институты (ювенальные суды, специальные офисы прокуратуры и полиции) обладали практически неограниченной властью в принятии решений и такой степенью закрытости, что ювенальная юстиция стала заложницей своих принципов и разрушила основы правосудия в отношении несовершеннолетних изнутри.

В середине 60-х гг. Верховный суд США обратил внимание на просчеты в работе ювенальных судов. Громкие дела Кента, Голта, Увиншипа и МакКейвера (в период с 1966 по 1971 г.) продемонстрировали миру несостоятельность традиционной ювенальной юстиции с точки зрения как соблюдения прав подсудимого (несоблюдения судом 14-й поправки к Конституции США и Билля о правах человека), так и применения эффективных мер наказания. Решение по делу *Gault* имело ряд далеко идущих последствий, и хотя Верховный суд не стал требовать уменьшения сепарации ювенальных судов от общей системы правосудия, тенденция рассматривать подростка-правонарушителя как жертву обстоятельств и среды стала сходиться на нет. Ответственность подростков за совершаемые действия стала центральной темой дебатов о необходимости реформы ювенальной юстиции. Отчет Martinson (1974 г.) показал, что эффективность альтернативных форм наказания, по преимуществу состоящих в помещении подростка под контроль служб и микросообщества, низка – они не выполняют своей основной функции – предотвращения рецидива⁷.

Ювенальная юстиция не стала в тот период прозрачной, однако доверие к классической модели было подорвано. С началом либерализации наступила и эпоха ужесточения уголов-

⁷ *Lafave W. Criminal justice and Supreme court. New-York MacMillan Publishing Company, 1991.*

ного правосудия, что не могло не затронуть сферу ювенального правосудия. Знаменитая книга Вон Хирша (Von Hirsch) «Производя правосудие: Выбор в пользу наказания» (*Doing Justice: The Choice of Punishments*) (1976) открыла эпоху реставрации карательной стратегии правосудия в отношении подростков и молодежи. Принцип «наказание по заслугам» был трансформирован в идею разделения наказания и реабилитации, хотя наказание, по мысли представителей неоклассической теории карательного правосудия, должно быть более мягким, соответствующим обстоятельствам, и справедливым. Однако, как это часто случается, теория и политическая практика жили независимой друг от друга жизнью, и идеи von Hirsch были упрощены до идеи «око за око». Реакция затронула большинство развитых стран, даже в Нидерландах ужесточение мер наказания для подростков было столь стремительным, что аналитикам оставалась только удивляться: «Как в стране со столь сильными гуманитарными традициями могла наступить эпоха рестриктивного правосудия?»

Современные тенденции развития ювенальной юстиции определяются следующими факторами:

- многообразие и противоречие наднациональных стандартов ювенальной юстиции;
- приток мигрантов: увеличилась доля правонарушителей из этнических меньшинств и еще больше усилилось внимание общества к такого рода правонарушениям;
- разобщенность программ предупреждения рецидивной преступности, от про-медицинских программ, связанных с оказанием психиатрической и наркологической помощи, до общих программ по социальному жилью и образованию, в которые включаются и подростки с делинквентным поведением;
- разобщенность концепций реабилитации (в ходу три модели, которые нельзя назвать ни альтернативными, ни взаимодополняющими и которые существуют автономно друг от друга: модель устрашения; клиничко-социаль-

ная модель воздействия на факторы криминального поведения до совершения преступления; модель изоляции на период риска из среды, располагающей к совершению преступления).

Современная ювенальная юстиция характеризуется двойственностью. С одной стороны, это отдельные правовые нормы для несовершеннолетних (а во многих странах – и для молодых людей), особый организационный дизайн исполнения правосудия (суды, особые функции прокураторы, органов внутренних дел, исполнения наказания). С другой стороны, ювенальная юстиция часто ассоциируется с более гуманной и лучшей версией правосудия, поскольку ориентирована на человека, а не на систему исполнения наказания. До какой степени ювенальная юстиция должна быть особым, отличным от общего правосудия направлением практики права? В разные периоды развития ювенальной юстиции ответ на этот вопрос варьировался.

Многообразие контекстов, в которые встроена ювенальная юстиция, требует выделения некоей точки отсчета для оценки проблем и выработки путей решения. Права человека – один из вариантов, с одной стороны, адекватный, в силу значимости концепции прав человека, и для защиты прав несовершеннолетних, с другой стороны, обладающий ресурсом дискуссии, в силу своей неоднозначности.

§ 2. Ювенальная юстиция в современной концепции прав человека

Рефлексия различий в международных стандартах ювенальной юстиции составляет основу критической концепции. Ведущий вопрос критической ювенальной юстиции: «Не становится ли сам факт существования ювенальной юстиции фактором эксклюзии подростков от правосудия?» – определяет разные позиции в отношении реформы этой сферы правосудия. Утвердительный ответ на этот вопрос представлен кон-

цепцией нарушения гарантий соблюдения прав человека. Таким образом, к противникам ювенальной юстиции можно отнести не только тех, кто выступает за ужесточение мер коррекции и наказания, но и тех, кто полагает ювенальную юстицию недостаточно открытой системой, отягощенной эффектом позитивной дискриминации. Несомненно, оба довода «против» в некоторых случаях соединяются в общее мнение о несостоятельности ювенальной юстиции – однако такой критерий, как: «Становится ли ювенальная юстиция фактором интеграции подростков?» – проводит границу между данными критическими позициями.

Ювенальная юстиция и противоречия ее развития могут рассматриваться и в рамках сформировавшегося конфликта понимания сути прав человека⁸. Современные исследователи указывают на противоречие в классической концепции прав человека. С одной стороны, концепция устанавливает особые обязательства государства по защите своих граждан (т.е. обеспечение права на жизнь, неприкосновенность, свободу слова и т.д.). С другой стороны, эта же концепция исходит из того, что именно государство нарушает эти права и должно быть ограничено в возможности убивать, пытаться, отчуждать граждан от сферы публичной политики и т.д.⁹ Получается, что концепция прав человека основывается как минимум на двух парах взаимоисключающих установок. Одна установка касается роли государства – становится ли оно ответственным за исполнение прав или главным фактором риска нарушения этих прав? Еще одно противоречие касается сути прав человека – право человека позитивно и состоит в установлении положительных норм (поддерживать достоинство, жизнь, свободу слова), или негативно (не убивать, не пытаться, не ограничивать в свободе слова и вероисповедания)? И становится ли соблюдение

⁸ *Buchanan Al.* Equality and human rights // *Politics, philosophy & economics*. Vol 4. № 1. February 2005. P. 69-90.

⁹ *Hill J.L.* The five faces of freedom in American political and constitutional thought // *Boston college law review*. 2004. Vol. 45. No 3. P. 499-594.

негативно сформулированных норм тождественным (достаточным) соблюдению прав человека?

Указанные противоречия, касающиеся роли государства и сути прав (если права понимать как нормы, которые следует выполнять), формируют еще одно противоречие. В чем состоит суть надгосударственных организаций, направленных на поддержку соблюдения прав человека – контроль за государством (готовность в любой момент наказать и призвать к порядку) или содействие в выработке более прогрессивных норм, консультации государства и взвешивание отношения к политике разных стран. В табл. 1 приведено описание противоречий концепции прав человека на примере ювенальной юстиции.

Противоречия мешают не столько теоретикам в области прав человека, сколько тем, кто вовлечен в их обеспечение. Негативными последствиями противоречий становятся:

- позитивная дискриминация в отношении отдельных групп населения;
- неустойчивость проектов (результатов проектов) в области обеспечения прав;
- манипулирование (давление) как со стороны стран, так и со стороны международных организаций.

Поскольку формулировки Деклараций прав человека и прав ребенка чересчур общи и противоречивы, за последние 30 лет права человека «обросли» многочисленными конвенциями и правилами, которые регламентируют права разных групп: женщин, детей, людей с ограниченными возможностями, осужденных. Это содействует эффекту позитивной дискриминации (когда права группы защищаются в ущерб, объективный или субъективный, других групп населения, а у населения формируется установка: «Почему у «этих» есть особые права?»)¹⁰. Так, в отношении осужденных несовершеннолет-

---

¹⁰ Можно провести аналогию с правами этнических меньшинств – защита прав этой группы в современной России вызывает неприязнь со стороны власти и общественности. Аналогично,

них действуют Пекинские правила (1985), Гаванские правила (1990), отчасти Токийские правила (1991), которые по сути повторяют общие установки наднациональных организаций относительно прав того, кто преступил закон. Однако более пристальное внимание к вопросу об открытости и закрытости судебной процедуры, а также администрированию системы юстиции приводит к тому, что подростки «в конфликте с законом» получают больше прав, чем осужденные взрослые и подростки, которые не находятся под следствием или в заключении. Неестественность такого положения дел подтверждается хотя бы тем фактом, что все больше развитых стран отказываются от термина «ювенальная юстиция» в пользу «правосудие для детей и молодых взрослых». Несомненен и тот факт, что позитивная дискриминация рано или поздно трансформируется в негативную: например, подростка помещают не в колонию (как взрослого), но в спецшколу (по сути, отчуждают от общественной жизни).

Можно указать на две тенденции в программах развития ювенальной юстиции со стороны наднациональных организаций: максимальную удаленность от проблем уголовного правосудия (например, ювенальная юстиция встраивается в предупреждение бедности среди подростков и детей) или, наоборот, ее максимальное встраивание в уголовное правосудие (либо рестриктивное – как в США, либо ресторативное – как во Франции, Бельгии и Великобритании). Однако ни та, ни другая тенденции не решают проблему выработки прозрачных и гибких стандартов, которыми можно было бы оперировать для определения того, соблюдаются ли права человека в отношении подростков, находящихся в конфликте с законом. Случается, что пилотные проекты по внедрению ювенальной

содействие улучшению обеспечения прав осужденных неизменно наталкивается на вопрос со стороны общественного мнения: "Почему они получают больше прав и гарантий?"

Таблица 1. Противоречия концепции прав человека на примере ювенальной юстиции

Противоречие	Ювенальная юстиция
Государство - гарант или фактор риска соблюдения прав?	<p>Если государство - гарант соблюдения прав, то ювенальная юстиция должна быть встроена в уголовное правосудие и общую систему социальной помощи (собственно, смысл особой юстиции для подростков сводится на нет за исключением задачи повышения ответственности семьи и общества).</p> <p>Если государство - фактор риска, то ювенальная юстиция становится барьером для ущемления прав хотя бы подрастающей части населения и средством контроля за одной из неустойчивых социальных групп (подростками и молодежью).</p>
Право - позитивно или негативно сформулированная норма?	<p>Если норма сформулирована как позитивное право, то само помещение человека (подростка) в колонию становится источником нарушения прав и свобод. Соответственно, ювенальная юстиция должна быть направлена на минимизацию фактов заключения подростка, т.е. встроена в систему деинституционализации.</p> <p>Если право сформулировано негативно, то не совсем ясно, что в условиях тюремного заключения (да еще в отношении несовершеннолетних) считать пыткой, ущемлением достоинства и ограничением доступа к социальным правам.</p>
Роль интернациональных организаций состоит в контроле или консультации правительств разных стран?	<p>Сосредоточенность на контроле означает концентрацию на предотвращении негативной практики, а не на развитии прогрессивных методов помощи подросткам и их окружению.</p> <p>Консультационной помощи оказывается недостаточно в странах с высоким уровнем нарушения прав человека, традицией закрытых институтов для подростков уязвимых групп.</p>

юстиции в развивающихся странах остаются в лучшем случае локальными, поскольку либо входят в противоречие с действующим законодательством, либо попадают в ловушку отсутствия социальных служб и неформальных институтов оказания поддержки подросткам. Развитые страны, пережив кризис ювенальной юстиции, также выказывают не очень высокую удовлетворенность ювенальной юстицией.

Наличие, отсутствие и качество ювенальной юстиции могут стать разменными картами в отношениях государства и надгосударственных организаций. В этом случае критерии оценки развития ювенальной юстиции существенно искажаются. Например, формальное наличие ювенальных судов становится показателем «продвинутости» государства, хотя бы эти суды и принимали в основном решения о том, чтобы поместить подростка не в колонию, а в специальную школу¹¹.

Противоречия и внутренние конфликты ювенальной юстиции не остались без внимания со стороны наднациональных акторов. В конце 2001 г. UNICEF предпринимает попытку вывести проблему ювенальной юстиции из сферы уголовного правосудия – в 75% стран, в которых действует офис UNICEF, принимается программа декриминализации поведения несовершеннолетних. Программа осуществляется в партнерстве с такими организациями, как UNDP, CICP (Центр предупреждения международной преступности), Красный Крест и т.д. Базовым принципом разрабатываемых программ становится не прямое предупреждение делинквентного поведения, а минимизация социальных факторов возрастания девиаций среди подростков и молодежи: улучшение системы защиты прав детей, образования и здравоохранения. В развивающихся странах ювенальная юстиция оказывается встроенной в программы предупреждения детской бедности (например, в Румынии, на Филиппинах). Миссией данного проекта становится макси-

¹¹ Western European Penal systems. A critical anatomy/ed. by V. Ruggiero, M. Ryan, J Sim. SAGE Publications, London, 1995. P. 133.

мально возможная минимизация применения мер, связанных с лишением свободы. Поэтому поддерживаются проекты, которые развивают восстановительное правосудие и альтернативные меры наказания; направлены на отчуждение детей от мира криминала и торговли людьми; стабилизируют ситуацию, в которую попали дети в странах, переживших военный конфликт.

Уже в ходе реализации проекта прежние намерения уйти из сферы правосудия были откорректированы посредством введения 12 показателей состояния дел с ювенальной юстицией:

Приоритетные критерии:

- количество несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, соотношение между находящимися в заключении и под следствием;
- существование особой системы ювенальной юстиции;
- результаты взаимодействия граждан и ювенальной юстиции;
- количество детей, умерших в заключении, причины этого;
- существование системы и регуляции общественного независимого контроля за исправительными учреждениями;
- продолжительность заключения в процессе следствия (до вынесения решения судом);

Дополнительные критерии:

- наличие действенных механизмов обращения с жалобами тех, кто находится в местах лишения свободы;
- количество детей, которые в ходе предварительного расследования содержатся вместе со взрослыми;
- наличие национальной программы предупреждения криминального поведения несовершеннолетних;
- количество детей, оставшихся на свободе вследствие применения к ним программ альтернативного наказания;

- количество детей, находящихся в заключении, которых навещали родители за последние 3 месяца;
- распределение бюджетных средств на обеспечение учреждений отбывания наказания и альтернативные формы наказания (на что государство тратит больше средств).

Семь различных опросников было разработано для того, чтобы оценить каждый из критериев и его динамику в ходе реализации проекта. Опыт Филиппин признается UNICEF примером успеха международной миссии в институционализации ювенальной юстиции. Главным условием состоявшейся программы стало гибкое реагирование на вызовы внутренней ситуации в стране.

Сравнение систем ювенальной юстиции на макроуровне также основано на сопоставлении стандартов надгосударственных институтов. Так, водоразделом между американской и европейской моделями ювенальной юстиции становится вопрос о смертной казни: с 1990 по март 2005 г. США – одна из семи стран в мире, которая сохраняет высшую меру наказания в отношении тех, кто совершил преступление до 18 лет. (Верховный суд США два года назад наложил запрет на применение смертной казни для несовершеннолетних по всей стране.) А более прогрессивная позиция объединенной Европы оказывает влияние на американское уголовное правосудие. Судебное разбирательство по делу Серинга (1988-1989)¹² свидетельствует не только об антипатии Европы к смертной казни (и уголовного правосудия, придерживающегося подобной мысли), но и о том, что существуют различные конкурирующие установки относительно международных стандартов судопроизводства. Сравнение решений Верховного суда США и Европейского суда по правам человека подтверждает существо-

¹² <http://www.echr.ru/documents/doc/2461433/2461433.htm> - русскоязычное описание дела Серинга.

ные различия стандартов. Если в Европе не только три удара розгой по детским ягодицам, но и шлепок домашней тапочкой рассматривается как насилие над ребенком, то в США весомый удар (с последовавшей гематомой) не был отнесен к тому уровню физического насилия, которое должно быть наказано. Европейский суд и Верховный суд по-разному подходят к рассмотрению дел об ответственности социальных служб за жестокое обращение с несовершеннолетними. Если ребенок имеет длительный опыт насилия, вклад которого в развитие ребенка специалисты оценивают как значимо ограничивающий фактор, то к ответственности призываются социальные службы, в чьи функции входила забота об этом ребенке. Штраф может быть весьма существенным, до 40 тыс. евро. В США, напротив, призвать к ответственности службы, которые упустили случай жестокого обращения с ребенком, довольно сложно. Получается, что «запрет жестокого обращения в соответствии с 8-й поправкой, составляющий основу американского правосудия, не столь эффективен для защиты достоинства человека, как запрет на бесчеловечное и унижающее обращение» – так можно резюмировать сравнение основ американской и европейской модели ювенальной юстиции¹³. Европейский суд влияет и на обеспечение прозрачности процедур ювенальной юстиции: случай *de Cubber v. Belgium* определил решение о том, что ювенальный судья не может одновременно допрашивать и выполнять функции судьи. Решение о необходимости разграничить эти функции было принято в 1995 г. и распространено в странах ЕС.

¹³ *Shoenberger A.E.* The European View of American Justice // *Loyola University Chicago Law Journal*. 2005. Vol 36. № 4. P. 603-611.

§ 3. Ювенальная юстиция: государственный заказ или общественно значимый институт

Историю ювенальной юстиции в каждой стране можно представить как поочередное удаление от норм и практики уголовного правосудия и приближение к ним. Обоснование необходимости ювенальной юстиции в большинстве случаев выходило за пределы юриспруденции и в большей степени становилось инструментом спекуляции общественным мнением. Возникновение ювенальной юстиции в таких странах, как США, Великобритания, Япония, стало подтверждением необоснованной жесткости действующей системы уголовного правосудия: по крайней мере, к детям (пожилым, женщинам и т.д.) такие нормы не должны были применяться. Часто доводом в пользу особой юстиции для подростков становилось утверждение, что подросток активно развивается и поэтому следует применять особые меры наказания, чтобы «не сбить стартовую дорожку в жизни человека». Многие современные исследователи связывают появление ювенальной юстиции не с гуманизацией устоев общественной жизни, но с принципиальным изменением отношения к детству на рубеже XIX-XX вв.¹⁴ В постиндустриальном обществе ребенок стал ценным как будущий взрослый (дополнительная рабочая сила, солдат в армии, производитель такой же рабочей силы и т.д.). Поэтому дети нуждались в особой юстиции, которая бы не ломала их жизнь.

Однако в ряде стран появление ювенальной юстиции было обусловлено стремлением сделать систему правосудия в отношении подростков эффективной; например, во Франции принятие Закона о ювенальной юстиции в 1945 г. было вызвано ростом преступлений среди молодежи и подростков. Одно-

¹⁴ *Davis A.* (De)Constructing dependency: institutional, historical perspectives of welfare // *Review of Radical Political Economics*. 2004. Winter. Vol. 36. N 1. P. 37-51.

значно трудно определить, чем вызвано развитие ювенальной юстиции в странах Центральной и Восточной Европы – следованием рекомендациям международных организаций или всплеском общественного внимания к проблемам молодежной преступности.

Ювенальная юстиция позиционируется как система правосудия, которая следует таким принципам как:

- смягчение (гуманизация) процедур правосудия;
- ориентация на восполнение пробелов интеграции в социум;
- предотвращение стигматизации ребенка и подростка как человека с опытом криминального поведения¹⁵.

Несомненно, эти принципы в той или иной степени относятся и к уголовному правосудию в целом, но их значимость может варьироваться в зависимости от сложившейся системы правоприменительной практики и социально-политического контекста. Следует принимать во внимание и то, что понимание каждого из принципов со временем менялось, как и правовые практики его реализации. Если первоначально под гуманизацией уголовного правосудия понимались уменьшение сроков отбывания наказания, смягчение условий лишения свободы, то современное понимание гуманизации предполагает преобразование норм уголовного правосудия на всех этапах его осуществления в соответствии с идеями восстановительного правосудия. Восполнение пробелов социализации прежде рассматривалось в рамках изоляции подростка от общества: в исправительном учреждении подростка учили правилам жизни в обществе, прививали социально одобряемые формы поведения. Современное понимание интеграции в общество подростка в конфликте с законом опирается на принцип сохранения и оптимизации социальных связей и обосновывает необходимость минимизации изоляции человека от общества. Аналогично в классической модели ювенальной юстиции (начала XX в.) предотвращение стигматизации сводилось к тому, что подросток отправлялся в специализированное закрытое учреждение, но не приобретал судимость. Современные толкователи полагают, что избежать стигматизации можно только одним путем – достигнув прозрачности системы правосудия, сделав ее открытой как гражданскому, так и правовому мониторингу¹⁶. Препятствие пониманию принципов ювенальной юстиции не уступило полностью места современным подходам, однако в развитых странах не наблюдается смешения разных точек зрения на ювенальную юстицию.

Противостоит ли ювенальная юстиция общественным интересам? Ответ на этот вопрос зависит от критериев типизации моделей ювенальной юстиции. «Нет» – если ювенальная юстиция работает на возвращение в социум – т.е. соотношение между ювенальной юстицией и реабилитацией определяется общественным интересом, «да» – если ювенальная юстиция предлагает радикальные меры помощи, когда общество приспосабливается к детям. Общественный интерес, который начинает совпадать с интересом государственным, повышает риски коммодификации интересов отдельных групп и общества в целом¹⁷. А придание интересу статуса общественного блага неизбежно приводит к тому, что увеличивается возможность власти (политической, экономической) манипулировать общественными интересами.

Парадоксально, но позитивным результатом реализации классической модели ювенальной юстиции стала ее критика и формирование ресурсов для развития иных стратегий правосудия в отношении несовершеннолетних. В разных странах под действием комбинаций разнообразных ресурсов формировались альтернативные стратегии ювенальной юстиции.

Парадоксально, но позитивным результатом реализации классической модели ювенальной юстиции стала ее критика и формирование ресурсов для развития иных стратегий правосудия в отношении несовершеннолетних. В разных странах под действием комбинаций разнообразных ресурсов формировались альтернативные стратегии ювенальной юстиции.

¹⁶ Furbish L. K. Western European Juvenile justice models. USA, Connecticut 1999.

¹⁷ Коммодификация - наделение экономической ценностью того, что (кто) ранее такой ценностью не обладало, например дети, семейно-брачные отношения и т.д.

¹⁵ *Confronting Youth in Europe: Juvenile Crime and Juvenile Justice* / Ed. by J. Mehlbye and L. Walgrave. Denmark, 1998.

Различные профессиональные сообщества, критикуя классическую модель ювенальной юстиции, способствовали выработке других приемов и политик. Можно выделить четыре основные модели ювенальной юстиции с точки зрения вариативного толкования прав человека и общественного интереса в этой сфере:

- классическая ювенальная юстиция¹⁸;
- модель декриминализации (программа UNICEF);
- восстановительное правосудие;
- единое рестриктивное правосудие (основанное на принципах прозрачности и независимости процедур уголовного судопроизводства, а также на применении практики смешанных приговоров).

Эти модели могут быть сопоставлены с точки зрения того, в условиях каких общественных и государственных интересов они действуют эффективно; какие общественные и мериторные блага предлагают. Следует обратить внимание на то, что ни в одной модели не происходит смешения или совпадения общественного и государственного интересов.

Правосудие не принадлежит исключительно обществу или государству, идея общественного интереса¹⁹ подчеркнула значимость оппозиции интересов государства и общества в деле защиты прав людей. Определение того, что правосудие – система служб и формальных институтов, ограничено, поскольку правосудие – пространство интересов общества, государства и

---

¹⁸ Трудно найти страну, в которой до сих пор действует классическая модель ювенальной юстиции – однако некоторые акторы в России и ряде стран бывшего социалистического лагеря сохраняют интенции развития именно этой модели.

¹⁹ *Public interest* (общественный интерес) был введен в обиход юридической практики США одновременно с распространением ювенальной юстиции – этот факт можно рассматривать как одно из подтверждений сосуществования двух тенденций в американском правосудии: поддержка государственного патернализма и усиление независимости судебной системы.

отдельных граждан. Общественный интерес уравнивает патернализм государственной системы уголовного правосудия – будь то патернализм авторитарного государства или государства, которое играет на рынке в качестве главного актора. Концепт общественного интереса, вошедший в обиход юристов в США одновременно с распространением ювенальной юстиции, что можно рассматривать как подтверждение сосуществования двух тенденций в американском правосудии²⁰. Развитие ювенальной юстиции, как и других форм правосудия, невозможно без существования общественного и государственного интересов как неких альтернатив. Наличие общественного интереса становится ключевым фактором прогресса системы правосудия. Однако существует риск слияния интересов – например, в фашистской Германии принимались дополнения к закону о ювенальной юстиции, однако в силу тоталитарности политического режима и как следствие – отсутствия общественного интереса к этим законам, карательным по своей сути, мнение сообщества юристов и социума в целом не противостояло карательному правосудию. Другим риском слияния интересов становится доминирование идеи *tough on crime* (единственно верный ответ на преступление – жесткое наказание) – когда общественный интерес не принимается самим социумом. Следует заметить, что общественный интерес в отношении прав несовершеннолетних поддерживает не только сообщество юристов США, но и те, кто постоянно анализируют вклад СМИ в поддержку концепции *tough on crime*. В современной России сложилась уникальная ситуация – общественные интересы не выработаны (трудно обнаружить профессиональное сообщество, некоммерческую общественную организацию, которые бы взяли на себя риск проводить в жизнь тот или иной общественный интерес из указанных в табл. 2), однако одновременно реализуются модели, ус-

---

²⁰ *Rekosh E.* Who defines public interest? Public law strategies in central and Eastern Europe // PILI papers. 2005. July.

пех которых зависит от наличия довольно разных общественных интересов. Такое разнонаправленное движение вряд ли приведет к выработке хотя бы какого-либо из общественных интересов. А если общественные интересы не выработаны, то те или иные модели развиваются только под влиянием государственного интереса. Именно по этому пути идет восстановительное правосудие для несовершеннолетних в Великобритании – поскольку общественного интереса в отличие от стран Скандинавии нет, зато государственный интерес силен, правосудие остается по своей сути довольно рестриктивным.

Идея декриминализации ювенальной юстиции поддерживается рядом влиятельных международных организаций (UNICEF, UNDP). Ее суть сводится к тому, что создание ювенальной юстиции – не вопрос правосудия, а проблема социальной помощи. Распространение программ декриминализации в разных странах определило издержки и негативные следствия такой модели ювенальной юстиции. В первую очередь это связано с опорой на принцип профилактики криминального поведения, когда дети в возрасте до шести лет могут попасть в группу риска криминального поведения, что становится источником стигматизации детей на самых ранних стадиях развития (Новая Зеландия). Исследователи указывают и на другие недостатки модели декриминализации, которые в первую очередь связаны с обособленностью ювенальной юстиции от уголовного правосудия²¹.

Воплощением модели декриминализации считается развитие ювенальной юстиции в Италии. Создание ювенальной юстиции изначально (в 1990-е гг.) исходило из того, что гражданское действие (в том числе адресованное интеграции уязвимых групп) нельзя институционализировать. Поэтому миссией ювенальной юстиции становится активизация тех, кто несет ответственность за подростков (семейное окружение и

²¹ Contini F., Fabri M., Sigismondi I. International comparative study on allocation of cases to courts, The case of Italy. Bologna, 2004.

Таблица 2. Сравнительный анализ моделей ювенальной юстиции по соотношению общественного и государственного интересов

Критерии сравнения	Классическая модель ювенальной юстиции	Модель декриминализации	Восстановительное правосудие	Единое рестриктивное правосудие
Общественное благо	Дети как будущий ресурс экономического развития	Образование, здравоохранение - сопряженные с ними социальные сервисы	Семья и сообщество как ресурс реабилитации и профилактики	Безопасность
Мериторные блага и пути их распространения	Доступ детей и семей к психосоциальной помощи	Для детей сведены к минимуму	Возможность компенсировать ущерб за совершенное преступление	Защита прав человека, гражданская и уголовная юридическая помощь
Общественный интерес	Прозрачность процедур правосудия Контроль за правосудием	Социальный капитал и способы его повышения	Баланс интересов людей "с нормой" и тех, кто за пределами нормы	Независимость судопроизводства
Государственный интерес	Баланс эффективности и экономичности процедур правосудия	Преодоление бедности, предоставление равных стартовых возможностей	Деинституционализация закрытых учреждений	Минимизация рецидива среди совершивших правонарушение

ряд институтов, например, школы)²². В Италии существуют два варианта решения: отказ от рассмотрения дела в силу того, что есть ресурсы предупредить рецидив преступления (в первую очередь ресурсы окружения подростка), или передача в службы пробации. В первом случае судья понимает, что для подростка вреднее продолжение дела, чем его прекращение. Во втором случае судья решает, как долго подросток может нуждаться в сопровождении со стороны служб пробации (максимальный срок составляет три года). Судебная система относительно подростков регулируется не уголовным кодексом, но рядом специальных законов. Выделенность ювенальной юстиции в особое направление подтверждается и структурой Министерства юстиции, в котором с 2001 г. действует отдельный департамент по делам ювенальной юстиции. Ювенальная юстиция в Италии существует совсем недавно (по сравнению с другими странами Европы), и, по мнению части аналитиков, успех ее развития опосредован укоренением системы восстановительного правосудия, а также общим ходом реформы де-институционализации²³.

Следует помнить о том, что только в странах Скандинавии восстановительное правосудие действует как альтернатива уголовному. В Бельгии, во Франции и в Великобритании этот тип правосудия регулируется судебной властью и основывается на идее выбора между большим и меньшим наказанием (Великобритания); между наказанием и ненаказанием (континентальная Европа). В этих странах восстановительное правосудие базируется на процедуре медиации, которая обладает высокой разрешающей силой – после таких переговоров принимаются решения, которые затем реализуются. Сравнение приемов медиации в разных странах убеждает, что важнейшим ус-

---

²² Manna A., *Infante E.* Criminal justice systems in Europe and North America, Italy, Finland, Helsinki 2000.

²³ Mitchell L., Philibert D. B. *Family, Professional, and Political Advocacy: Rights and Responsibilities // Young Exceptional Children.* Vol. 5. 2004. N 4. P. 11-18.

ловием успешного применения технологий восстановительного правосудия становится уверенность специалистов в способности семей и трудных подростков меняться. Однако в основе восстановительного правосудия этих стран лежит угроза применения более жестких мер. Если в континентальной модели клиентом манипулируют, предлагая выбор между наказанием (угрозой наказания) и ненаказанием, то в британской модели основным становится мера наказания или предписанный порядок. И та и другая стратегии поведения ювенальной юстиции имеет свои плюсы и минусы, в том числе и в области, соотносимой с правами человека²⁴.

В разных странах применяются и разные способы управления восстановительным правосудием. Бельгия отличается правовым минимализмом ювенального суда (социальные сервисы выступают в качестве фильтров между гражданским обществом и законом), во Франции процесс медиации регулируется законом – одна и та же цель – кооперация с семьей – достигается разными средствами²⁵. Таким образом, восстановительное правосудие может быть не менее рестриктивным по своему происхождению с точки зрения и давления на защищающихся, и того, кто принимает решение о применении восстановительного правосудия.

Правосудие в отношении несовершеннолетних может быть встроено в общее правосудие двумя способами: либо ювенальная юстиция будет такой же «справедливой» (ориентированной на наказание) как и общее правосудие, либо она будет развиваться в направлении гуманизации (восстановительной модели), как и уголовное правосудие в целом. Что происходит с ювенальной юстицией, которая действует в рамках рестриктивной модели уголовного правосудия, но стремится реализовать выше указанные принципы? Опыт США,

---

²⁴ The law and social work. Contemporary issues for Practice / ed. by L.-A. Cull, J. Roche Palgrave. England, 2001. P. 99.

²⁵ Ibid. P. 102.

Франции, Канады, Японии и ряда других стран свидетельствует о том, что ювенальная юстиция, которая резко отличается от действующей системы уголовного правосудия, деформируется и нуждается в существенном обновлении своих правовых основ для эффективного действия²⁶.

Некоторые исследователи придерживаются мнения, согласно которому ювенальная юстиция всегда встроена в уголовное правосудие, однако это либо формализованное соотношение норм и практик, либо латентное и не всегда очевидное сходство подходов к пониманию источников криминального поведения и доводов в пользу тех или иных приемов воздействия. Например, отличительной чертой уголовного правосудия во Франции становится увязывание тяжести преступления и готовности правонарушителя исправиться и начать адекватной социальной жизнью. Считается, что те, кто совершил преступление средней тяжести, должны оцениваться по готовности усваивать социальные нормы; в отношении этих людей независимо от их возраста действует принцип соотношения преступления и обстоятельств жизни. Соответственно тяжкие преступления означают запредельную удаленность правонарушителя от социальных стандартов. Подобное деление преступников действует как в формальной практике судейства и исполнения наказания, так и в неформальной, как в отношении взрослых, так и в отношении несовершеннолетних. Существование подобного скрытого соотношения норм уголовного права становится источником нарушения прав и, соответственно, доводом в пользу сближения ювенальной юстиции и уголовного правосудия в целом на основе распространения элементов восстановительного правосудия²⁷.

---

²⁶ Henkes B. The role of education in juvenile justice in Eastern Europe and former Soviet Union countries. Human rights education association, Open society institute, Hungary, 2000.

²⁷ Fishman S. The Battle for children. World War II, Youth Crime, and Juvenile Justice in Twentieth-Century France. Harvard, 2002.

§ 4. Ювенальная юстиция и уголовное правосудие: различия и сходства

Чем же ювенальная юстиция отличается от общего уголовного правосудия? И до какого предела правосудие для несовершеннолетних может быть встроено в уголовное правосудие в целом?

На стадии досудебного расследования ювенальная юстиция часто действует обособленно от сложившейся практики уголовного правосудия. Особенность ювенальной юстиции на этой стадии состоит в определении роли полиции. Полиция во многих странах ограничена в своих действиях и должна передать информацию о подростке и деянии в офис прокурора (Германия) или ювенальному судье (Франция). Полиция может включать специальное подразделение по работе с несовершеннолетними (Нидерланды, Австрия, Бельгия), которое тесно связано со следующей стадией ювенальной юстиции – судебным расследованием, а также территориальными социальными сервисами. Функции работы с подростками на стадии досудебного расследования могут быть делегированы офицерам пробации (в Великобритании – в отдельных случаях). Наличие или отсутствие специального подразделения органов внутренних дел определяет эффективность следующей стадии ювенальной юстиции, связанной с процессом принятия решения. Отсутствие подразделения при наличии ювенального суда существенно осложняет работу аппарата ювенального суда (Великобритания), поскольку сотрудники суда ограничены во времени и должны собрать сведения о подростке в течение 10 дней после открытия дела, а отсутствие подразделения существенно замедляет сбор данных²⁸. В то же время наличие специального подразделения полиции по работе с молодежью может стать источником дополнительной стигма-

---

²⁸ The law and social work. Contemporary issues for Practice / Ed. by L.-A. Cull, J. Roche Palgrave. England, Open University 2001.

тизации. Досудебное расследование в ювенальной юстиции осуществляется преимущественно ювенальным судьей, отделом прокураторы или межведомственной командой специалистов, в редких случаях – при участии полиции (США, Канада, Нидерланды).

Стадия судебного расследования предполагает наличие особого типа суда – ювенального, и особых специалистов – ювенальных судей. В разных странах степень отличия ювенального судьи от судьи по уголовным делам варьируется. Основными критериями сходства ювенального суда с общим судом становятся функционал судьи, участие специалистов-неюристов в судебном процессе, регуляция принятия решения в случае тяжкого преступления. Наибольшее сближение присутствует в системе США: подростков судят те же судьи, что и взрослых, применяя те же схемы и все больше развивая практику смешанного приговора, в случае тяжкого преступления дело передается в обычный суд (см. описание ювенальной юстиции в США).

Наименьшее сближение обнаруживается во Франции: помимо того, что судья во Франции – специалист смешанного профиля, обладающий как правовой подготовкой, так и навыками помогающей деятельности функций, на стадии судебного расследования принимают участие помогающие специалисты. Важно понимать, что ювенальный судья во Франции рассматривает дела двух типов: относительно защиты ребенка в случае нарушения его прав и дела, связанные с нарушением закона самими несовершеннолетними. Деятельность судьи начинается на стадии до-судебного расследования – именно судья принимает решение о том, каким путем будет рассмотрено дело, административным (посредством делегирования дела в социальные службы) или правовым (через последовательное обращение в полицию, а затем офис прокуратуры). Дальнейшее решение варьируется от прекращения дела до проведения немедленного расследования и последовательных слушаний. Ювенальный суд осуществляется усилиями одного судьи

и двух помощников, а также одного клерка. Специальный ювенальный суд (для рассмотрения дел подростков, совершивших тяжкое преступление против личности, рецидивистов) включает трех судей и жюри. Судьи подотчетны прокуратуре.

В Великобритании судьями становятся представители общности – магистранты, которые принимают решение при совещании с представителем прокуратуры, адвокатом и юристом-консультантом.

Чем руководствуются судьи при принятии решения, т. е. какова законодательная база ювенальной юстиции? В ряде стран это отдельные законы (Нидерланды, Германия), в Великобритании деятельность ювенального суда регламентируется Законом о детях, однако в большинстве стран особые правовые нормы в отношении несовершеннолетних закреплены в общем уголовном законодательстве.

Стадия исполнения наказания предполагает наиболее существенные различия между уголовным правосудием и ювенальной юстицией как относительно лишения свободы, так и относительно исполнения альтернативных мер наказания. Существуют специальные исправительные учреждения для несовершеннолетних (основным направлением становится обучение – навыкам организации жизни, труду и т. д.); в отношении отбывающих наказание в виде лишения свободы действуют иные правила взаимодействия с семьей и родственниками; к несовершеннолетним чаще и быстрее применяется практика предоставления квазисвободы (когда на день или на ночь подросток уходит из тюрьмы, а в учреждении ночует или, наоборот, проводит день). Одни страны продолжают поддерживать идею специальных закрытых учреждений для подростков в конфликте с законом (США, Канада, Франция). В этих странах в специальные учреждения попадают не только те, кто осужден, но и те, кто нуждается в привитии социально желательных форм поведения (в профилактических целях закрытые учреждения содержат подростков от нескольких недель до полугода). Следует отметить, что если в США и Канаде же-

сткость исполнения приговора примерно одинакова для взрослых и подростков, во Франции традиция закрытых учреждений обусловлена и социальной политикой в отношении детства, основанной на идее патернализма и приоритета государственных решений²⁹. Так, во Франции действует шкала мер исправления для несовершеннолетних, состоящая из шести мер вмешательства, которые относят к образовательному вмешательству:

Образовательные акции в открытом пространстве – супервизия подростка в повседневных условиях жизни, наибольшая возможная длительность 2 года. Регулярная оценка динамики развития и социализации ребенка на основе привлечения социальных служб, школы и родителей.

Запрос судебной защиты гарантирует, что молодой взрослый (18-21 год) получает гарантию преемственности в защите прав и после наступления совершеннолетия. Молодой человек готовит и представляет заявление в суд с просьбой оказать помощь и поддержку, суд обязан продиагностировать обстоятельства жизни и планы молодого человека, а затем выстроить сетевое сопровождение из специалистов и организаций.

Ограничение свободы посредством мониторинга – обычно применяется на стадии расследования или как альтернатива лишению свободы, помещению в закрытый институт, когда подросток в той или иной степени контролируется службами и специалистами.

Порядок судебной защиты (применяется к тем, кто не достиг 18 лет): через помещение в центры временного пребывания или при усилении контроля за подростками.

Компенсация последствий преступления посредством соглашения с пострадавшей стороной – обычно краткосрочная длительность, до 4 месяцев.

Помещение подростка в закрытое учреждение – Франция отличается разнообразием учреждений, в которые можно поместить подростка с делинквентным поведением:

- дома образовательного действия (Eduactional action homes) – помещение делинквентов с сохранением возможности посещать школу, акцент – на занятости подростков вечерами, в выходные и праздники;
- центры краткосрочной изоляции (до 3 месяцев) – подросток изолируется от общества, и получает интенсивную психосоциальную помощь;
- центры интенсивного обучения – работа с небольшими группами подростков (6-8 человек) по наращиванию их потенциала и компенсации в учебных отставаниях;
- центры временной изоляции – только для тех, кто отличается склонностью к рецидиву правонарушения. Помещение до 6 месяцев, активное вовлечение психиатров и психологов, параллельно проведение работы с семьей.

Основная тенденция развития ювенальной юстиции во Франции – насыщение пространства служб, связанных с исправлением, профессионалами. В последнем выпуске ежегодного отчета Министерства юстиции о ювенальной юстиции (2005) особое место было уделено кадровой политике и аналитическому описанию новых позиций и специалистов, которые вводятся в систему ювенальной юстиции, а именно при судах:

- педагог (ответственный за обучение и социальные тренинги), основная функция – создание межведомственных и междисциплинарных команд для проведения работы не только с подростком, но и окружением;
- агент образования (тот, кто гарантирует преемственность в работе на разных стадиях ювенального правосудия);
- технический учитель – отвечает за подготовку к жизни в условиях свободы; психолог – содействует целеполаганию подростка;

²⁹ The juvenile justice system in France. France, Paris, 2005.

- трудотерапевт – для сопровождения подростков, которые выполняют общественные работы.

Другие страны энергично избавляются от специализированных закрытых учреждений, заменяя их центрами дневного пребывания, службами пробации, комплексной помощью семье подростка и т.д. (страны Скандинавии, Германия, Нидерланды). Соответственно, альтернативные меры наказания для несовершеннолетних чаще применяются в странах, которые реже используют систему изоляции подростков.

Стадия ресоциализации обеспечивается службой пробации и тем определением реабилитации людей в конфликте с законом, которое закреплено в законодательстве. Службы пробации могут реализовывать одну из двух моделей:

– просоциальную, при которой офицер по преимуществу выполняет функцию социального работника, взаимодействует с семьей осужденного, самим осужденным, содействует улучшению социальной ситуации в жизни (Германия, Нидерланды, Франция³⁰);

– модель надзора, при которой офицер пробации контролирует освободившегося (условно осужденного) и следит за тем, чтобы поднадзорный вел себя в соответствии с условиями освобождения (приговора) (Великобритания, США).

Соответственно, пробация для несовершеннолетних в большинстве стран относится к просоциальной модели, тогда как пробация для взрослых в ряде стран остается службой надзора. Реабилитация осужденного также вписывается в две различных модели ресоциализации осужденных. В одних странах (страны Скандинавии, Германия) реабилитация рассматривается как технология улучшения доступа любого осужденного к социальным правам, в других – реабилитация соотносится с

---

³⁰ Анализ ювенальной юстиции во Франции, представленный в тексте, относится к периоду до прихода на пост президента Н. Саркози. Саркози заявил о необходимости усиления рестриктивной компоненты ювенальной юстиции в июне 2007 г.

готовностью осужденного «твердо встать на путь исправления» (США, Италия).

В табл. 2 приведены критерии оценки степени сближения ювенальной юстиции и уголовного правосудия, применяя которые, можно оценить степень соответствия правосудия для несовершеннолетних общим нормам.

Реабилитация несовершеннолетних в конфликте с законом предполагает, что правосудие отличается прозрачностью и открытостью всех своих процедур; применением альтернативных мер наказания; хорошо отлаженным взаимодействием между основными акторами уголовной системы. В табл. 3 приведено описание современного состояния ювенальной юстиции ряда европейских стран в соответствии с выделенными критериями:

В отношении ювенальной юстиции многих стран распространено мнение о том, что это правосудие «второй свежести» – из-за случаев многочисленных нарушений прав человека в процессе судопроизводства. Однако встроенность ювенальной юстиции в общее уголовное правосудие не всегда становится условием преодоления таких нарушений.

Модели ювенальной юстиции могут быть типизированы по двум основаниям:

– встроенность ювенальной юстиции в систему уголовного правосудия (сближение уголовного правосудия для несовершеннолетних с установленными процедурами для «взрослых» через распространение альтернативных форм наказания, развитие восстановительного правосудия и т.д.; прозрачность ювенального суда относительно судебной системы; обоснованность особых процедур ювенальной юстиции базовыми принципами правосудия, например, закрепленными в конституции);

---

³¹ От нарушения права на доступ к помощи адвоката до других нарушений.

Таблица 2. Соотнесение ювенальной юстиции и уголовного правосудия.

Этап уголовного правосудия	Ювенальная юстиция vs. Уголовное правосудие
Досудебное расследование	Какова длительность предварительного заключения для подростков и взрослых? Какова процедура принятия решения о предварительном заключении для подростков и взрослых? Как регулируется доступ адвоката и законного представителя подростка и взрослого?
Судебное разбирательство	Как принимаются во внимание обстоятельства жизни человека в конфликте с законом? В каком объеме (в отношении каких преступлений) используются процедуры восстановительного правосудия? Как сохраняется конфиденциальность судебного разбирательства? Как механизмы общего судопроизводства, например, семейный суд, мировой суд, взрослый суд, включены в систему ювенальной юстиции?
Исполнение наказания	Существует ли разница в исполнении альтернативных мер наказания для взрослых и подростков? Какова разница условий содержания в местах лишения свободы (свидания, передачи, отпуск к родственникам и т.д.)? Как действует технология квазизаключения (квазисвободы) для подростков и взрослых?
Ресоциализация осужденного	Какова направленность и ведомственная принадлежность служб пробации для подростков и взрослых? Какое определение реабилитации осужденных закреплено в законе? Как регулируется социальная помощь осужденным на разных этапах уголовного правосудия в контексте будущего освобождения?

Таблица 3. Встроенность ювенальной юстиции в систему уголовного правосудия

Страна	Прозрачность судебных процедур (доступность процедур мониторинга и возможность опротестовывания решений)	Сближение стандартов ювенальной юстиции и уголовного правосудия	Взаимодействие полиции, прокуратуры и судебных органов
Германия	+	+	-
Нидерланды	-	-	+
Италия	+	+	-
Польша	-	-	-
Франция	-	-	+

– встроенность ювенальной юстиции в систему социальной помощи (осуществление социальной работы с подростками в конфликте с законом как элемент общей системы социальной защиты или как отдельное направление оказания помощи).

Соответственно, можно выделить четыре типа моделей ювенальной юстиции.

Первый тип – юридические процедуры юстиции для молодых максимально приближены к общему ходу уголовного правосудия, а социальные программы соотносятся с основными тенденциями социальной политики. Изменения в уголовном правосудии отражаются в процедурах ювенальной юстиции.

Второй тип – правовые механизмы ювенальной юстиции соотносятся с общими процедурами уголовного правосудия, но социальные сервисы для тех, кто совершает противоправные действия, выделены в отдельную группу служб.

Третий тип – правовые нормы и практики для несовершеннолетних существенно отличаются от общего уголовного правосудия, но система служб помощи реабилитации встроена в действующую систему социальной защиты.

Четвертый тип – ювенальная юстиция представляет собой особый тип правосудия и социальной работы для подростков.

Каждый тип фиксирует не устойчивую модель, но ту стадию, на которой находится развитие ювенальной юстиции. История правосудия в отношении несовершеннолетних, таким образом, может быть представлена как чередование разных типов соотношения ювенальной юстиции с уголовным правосудием и социальной работой.

Еще одним важным критерием типизации моделей ювенальной юстиции становится направленность общего уголовного правосудия – рестриктивная (направленная на исполнение наказания) или восстановительная. Соответственно, в рамках первого и второго типов можно выделить страны, в которых ювенальная юстиция вписывается в рестриктивную модель правосудия (например, в США) или восстановительную модель (например, в Норвегии или Германии).

В табл. 4 приведены примеры стран (на данный момент развития ювенальной юстиции), которые отвечают тому или иному типу соотношения ювенальной юстиции и социальных служб.

Какая же из моделей наиболее применима в условиях России? Представляется, что Россия стремится двигаться сразу несколькими путями, смешивая разные модели. Можно выделить несколько позиций и соответствующих акторов – носителей этих позиций. Во-первых, присутствует патетика классической модели – несомненно, ювенальная юстиция как желаемый проект для России выступает прежде всего как элемент решения демографической проблемы. В отличие от США, в которых одновременно с идеей ювенальной юстиции возникает и концепция общественного интереса – внимания общества к справедливости процедур уголовного судопроизводства, в России такой общественный интерес пока не сформирован. Если на данном этапе в России будет реализована классическая модель ювенальной юстиции, то возникновение такого общественного интереса остается под вопросом. И тогда юве-

Таблица 4. Классификация систем ювенальной юстиции

Второй тип	Первый тип
Ювенальная юстиция встроена в систему уголовного правосудия, но реабилитация осуществляется в особых сервисах и посредством особых программ <i>США, Канада, Япония</i>	Ювенальная юстиция встроена и в систему уголовного правосудия, и в социальную помощь <i>Нидерланды, Германия, Великобритания</i>
Четвертый тип	Третий тип
Ювенальная юстиция отлична и от уголовного правосудия, и от системы социальной помощи (для осужденных разрабатываются особые программы) <i>Польша, Новая Зеландия, Румыния</i>	Ювенальная юстиция встроена в систему социальной помощи, но только частично входит в систему уголовного правосудия <i>Франция, Италия</i>

нальная юстиция не продвинет реформу де-институционализации и, скорее всего, разрушит себя изнутри так же, как и это произошло в других странах.

Во-вторых, позиция ряда официальных ведомств состоит в усилении применения жестких мер к подросткам – условное наказание кажется провальной мерой в отношении предупреждения рецидивной преступности.

В-третьих, как и в других странах присутствия UNICEF, в России действует программа декриминализации поведения несовершеннолетних. Однако данный проект бывает трудно отличить от проекта по «выращиванию» классической модели ювенальной юстиции в России, поскольку пилотные проекты по введению ювенальных судов сохраняют такие меры воздействия как помещение ребенка в закрытый институт (спецшколу) и продолжают игнорировать работу с семьей трудновоспитуемого ребенка.

В-четвертых, действуют проекты в области восстановительного правосудия, направленные на внедрение служб медиации в практику разрешения школьных конфликтов, примирение пострадавших и совершивших правонарушение, рассмотрение случаев семейного насилия и т.д. Эти проекты ограничены многими пробелами в организации взаимодействия социальных служб и традициях решения конфликтов. Пока робкие попытки применять элементы ресторативного правосудия в России отличаются фрагментарностью и не слишком вписываются в процесс деинституционализации. В большинстве стран восстановительное правосудие встроено в реформу деинституционализации закрытых учреждений – не только по идеологическим соображениям, но и в целях достижения преемственности между службами. Например, в Италии восстановительное правосудие успешно развивается в том числе и благодаря существованию терапевтических сообществ для тех, кто страдает душевными расстройствами и имеет опыт совершения противоправных действий. Модель терапевтических сообществ применяется и для работы с теми, кто страдает от химической зависимости, имеет опыт бродяжничества. В странах Скандинавии широко распространена модель центров дневного пребывания для подростков и молодежи, в которые могут направляться и те, кто был бы отправлен в спецшколу или исправительное учреждение, если бы таких центров не было. Отсутствие такой системы служб в России ставит под сомнение достижение главного эффекта восстановительного правосудия – сохранение человека, преступившего закон, в обществе.

Трудно определить, существует ли в России ресурс развития моделей ювенальной юстиции, альтернативных классической – присутствует ли потенциал выработки семейно-центрированного подхода и радикальной социальной работы, как в Великобритании; есть ли возможность рассчитывать на рефлексивную позицию академической среды, как во Франции; присутствует ли достаточный для сопротивления классичес-

кой модели ювенальной юстиции запас юридических клиник и независимости сообщества профессиональных правозащитников, как в США. Остается открытым вопрос и о том, какое из профессиональных сообществ в России более чувствительно к решению задачи сопротивления классической ювенальной юстиции и ее последствий ее деятельности.

А поскольку смешение моделей приводит к дополнительному риску смешения общественного и государственного интересов, то ювенальная юстиция рискует оказаться все дальше и дальше от международных стандартов справедливого правосудия. К моменту разочарования в ювенальной юстиции (что неизбежно) страна придет ни с чем – у сообществ специалистов не будет предложений, альтернативных прежней классической модели.

Существенным риском становится и невозможность встроить ювенальную юстицию в сферу права и социальной помощи. А ювенальная юстиция должна быть встроена в существующие контексты уголовного правосудия и социальной помощи. Создание специализированных институтов и служб, которые выделяют осужденных из других уязвимых групп и которые отличаются от других служб, увеличивает риск дискриминации (как позитивной, так и негативной) осужденных. Аналогично, отгороженность ювенального правосудия от уголовного уменьшает прозрачность системы, а если уголовное правосудие сохраняет приоритет рестриктивных мер, то увеличивается риск реакции и в области ювенальной юстиции – возврата к жестким мерам в отношении несовершеннолетних. Именно так произошло в США, Нидерландах и сейчас происходит во Франции – хотя каждая из этих стран находит свой способ преодоления кризиса системы правосудия.

Ювенальная юстиция в России на данный момент в равной степени отчуждена как от уголовного правосудия, так и от существующих социальных сервисов. Наоборот, активно продвигается идея создания универсальных сервисов – сбора под одной крышей всех служб, которые бы создали прецедент ус-

пешного решения проблемы межведомственной кооперации (на основе общей проблемы объединяются разные сервисы)³².

Если классическая модель должна быть отвергнута, то по какому пути следует идти России? Представляется, что восстановительное правосудие, которое реализуется частью проектов, – один из столь же неудачных выборов, как и следование классической модели.

Если традиционные представители восстановительного правосудия – норвежцы разрабатывают специальные программы по борьбе с добротизмом³³ (от норвежского sneleism), то в России придется разрабатывать не один проект, чтобы добиться большей доброты окружающих, и пока эти проекты будут реализовываться, подростки будут попадать в колонии, их права будут нарушаться.

Нужны более оперативные и действенные меры – например, в отношении подростков из закрытых учреждений, к которым применяются более жесткие меры наказания в силу участия сотрудников детских домов в подготовке характеристик; в отношении подростков, отвечающих насилием на насилие (нанесение тяжких телесных повреждений родителям), и других категорий подростков, которые нуждаются не в тюремном заключении, а в психотерапевтическом вмешательстве.

Другим аргументом против возможности быстрого введения восстановительного правосудия в России становится общий низкий уровень терпимости в системе уголовного правосудия. Можно ли рассчитывать на терпимое отношение к тем, кто совершает преступление, если в сознании профессионалов, занятых на разных стадиях уголовного правосудия, наблюдается недостаток понимания в отношении пострадавшей

---

³² Стенограмма Круглого стола «Становление ювенальной юстиции в России: опыт, проблемы и перспективы», ГД, 20 марта 2006 г.

³³ Hagelund A Why it is bad to be kind. Educating refugees to life in the welfare state: a case study from Norway // Social policy and administration .2005, / Vol. 39. № 6. December. P. 669 - 683.

стороны? Наиболее вероятным путем развития ювенальной юстиции становится модель, сочетающая рестриктивное поведение институций и независимую, прозрачную систему экспертизы принимаемых решений. Возможно, опираться при этом нужно на совокупность правозащитных организаций и юридических клиник, которые могли бы получить доступ к уголовному процессу на всех стадиях. Риском следования такой модели становится не только происходящий процесс реконцептуализации прав человека (что, скорее всего, в России будет представлено как повод оправдать несоблюдение тех прав, в которых сомневаются их главные защитники). Насколько сообщество профессиональных юристов в России готово участвовать в отстаивании прав несовершеннолетних, как это делается в США?

История ювенальной юстиции – это борьба упорной рефлексии и стереотипного мышления. Ювенальная юстиция «выросла» из стереотипа, сложившегося во времена Просвещения – «ребенок не есть взрослый и требует особого обращения». Однако опыт провалов ювенальной юстиции, когда вместо того, чтобы обеспечивать права детей, ювенальная юстиция превратилась в систему дискриминации, и преодоления этих провалов (посредством реконцептуализации понятий, которые казались незыблемыми: благосостояние ребенка, приоритет интересов ребенка, потребность ребенка) показал возможность прогрессивного движения социального института от инструмента стигматизации к многоуровневому и вариативному решению проблем.

В России пока заимствована риторика гуманитарного патернализма классической ювенальной юстиции – драматическая история ее развития остается пока незамеченной. Как следует поступить – либо пройти все стадии, которые пройдены другими странами, либо, учитывая зарубежный опыт, оценив контексты российской ситуации, сразу строить некую более «продвинутой» модель? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, существует ли в современной России ресурс кри-

тического подхода к анализу и решению проблем интеграции осужденных. Такой ресурс может быть представлен сообществом социальных работников и психологов, расположенных к радикальной модели помощи; движением волонтеров; политическими решениями, основанными на современном понимании прав человека. Найти такой ресурс сложно – остается задаться вопросом: «Можно ли его создать?». Следующая глава предлагает один из возможных инструментов развития такого профессионального мышления – осмысление проблем интеграции осужденных посредством анализа альтернативных подходов к решению проблемы.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ И РАЗНООБРАЗИЕ ПУТЕЙ ИХ РЕШЕНИЯ

§ 1. Дилеммы интеграции осужденных

Мышление западного исследователя и практика отличаются обращенностью к разным точкам зрения на решение проблемы – оперирует ли специалист дилеммами непримиримых позиций (например, что важнее – либеральные свободы или социальные права) или разрабатывает некий спектр мнений. Большинство стоящих исследований начинается с изучения соотношения между разными точками зрения. Отечественным исследователям и практикам имеет смысл перенять такой способ мышления – и для того, чтобы самоопределяться, а не блуждать между разными мнениями, и для того, чтобы осмысленней подходить к изучению и решению проблем. Интеграция осужденных в общество дает не мало поводов для выработки как разных мнений, так и упорядочивания разнообразия позиций. Более того, проблема интеграции правонарушителей порождает немало конфликтов интересов, что приводит к манипуляции статистикой и теориями. Однако несовершенство решений не означает разрешение не принимать их – именно поэтому важно учитывать опыт других стран, которые успели реализовать разные решения.

Тем важнее освоиться с разными критериями оценки эффективности программ интеграции.

Многие исследования в области интеграции осужденных завязаны на следующих вопросах:

1. Основопологающей дилеммой становится соотношение **социальных прав и гражданских свобод** в процессе интеграции осужденных в общество. Многие реформы уголовной системы, направленные на ее гуманизацию, привносят до-

полнительные факторы дискриминации и эксклюзии осужденных. Этот парадокс встроен в вопросы: «Что важнее обеспечить, социальные права или гражданские свободы?», «Как, обеспечивая права осужденных, не ограничить право граждан на защиту от криминала, и как обеспечить права граждан, не ущемляя прав осужденных?».

2. Зарубежные исследователи и практики задаются вопросом «Какой должна быть теория интеграции осужденных?». Эта дилемма обозначает **выбор между отдельными науками и междисциплинарным синтезом разных областей знания**. Одни настаивают на соблюдении границ научных областей: криминологии, юриспруденции, социологии, политологии и психологии. Например, прогноз реабилитации определяют криминологи, ресурс общественной терпимости – социологи и антропологи, а права осужденных на получение помощи определяют правоведы. Другие приводят доказательства того, что сохранение «чистоты» научных подходов к реабилитации прямо повлияло на формирование идеи бифуркации³⁴, которая самым пагубным образом отразилась на осуществлении реабилитации. Как альтернатива сложившемуся «многоголосному» подходу в изучении социальной интеграции предлагаются различные схемы междисциплинарного синтеза наук и теорий, однако всегда ли такой синтез допустим? Ответ на этот вопрос рассматривается в рамках дилеммы «волонтер или профессионал».

---

³⁴ Применение идеи бифуркации в конце 60 – начале 70-х гг. определило необходимость деления преступников на категории в зависимости от тяжести совершенного преступления и ресурсности того, кто совершил преступление. Прямым следствием стало оказание помощи тем, кто имел и без того высокие шансы на реабилитацию, и скрытый, а иногда и открытый отказ от помощи тем, кто попадал в категории трудно исправимых и особо опасных преступников. http://uwacadweb.uwoyo.edu/RED_FEATHER/chaos-crm/001intro.html

3. Дилемма **наказывать или реабилитировать** существует в рамках одних подходов и разрешается в рамках других. Причем, не всегда преодоление этой дилеммы означает шаг к гуманизации системы исполнения наказания. Например, в Германии времен Третьего рейха действовал принцип «реабилитация через наказание», когда любой оступившийся подросток должен был бы отбыть в заключении хотя бы четыре недели. «Что важнее для реабилитации: контроль или поддержка осужденных?», «Возможно ли найти баланс между мониторингом правонарушителей и содействием их интеграции?» – данные вопросы определяют не только две основные стратегии реабилитации, про-карательную и восстановительную, каждая из которых имеет немало отрицательных сторон, но и способы преодоления противопоставления между реабилитацией и наказанием.

4. В чем состоит суть помощи, в **активизации ресурсов подростка (осужденного любого возраста или любого, кто имеет опыт пребывания в закрытом институте) или заботе о нем** и его окружении? Этот вопрос определяет и стратегию помощи подросткам, и возможность преодолеть распространявшийся стереотип о том, что всех клиентов нужно наделять самостоятельностью. Такое отношение к принципу активизации (empowerment) отражает на самом деле стремление как можно дальше дистанцироваться от проблем клиента-подростка.

5. «Кто держит риски реабилитации осужденных?» и «В чем состоит ответственность за реабилитацию осужденных?» – эти вопросы определяют круг акторов реабилитации и характер взаимодействия между ними. Для реабилитации осужденных весьма важен вопрос о том, кто занимается этой деятельностью, **профессионал или волонтер**. Основными способами разрешения этих вопросов становится профессионализация реабилитации или, наоборот, включение ресурсов общества и микросообщества в помощь осужденным и их окружению.

Рассмотрение проблем интеграции осужденных посредством дилемм имеет еще один значимый смысл – увязывание проблем пребывания в колонии с проблемами других закрытых институций: детских домов, психиатрических клиник, неврологических диспансеров. Проблему сопровождения осужденных чаще всего принято рассматривать как специфическую, тогда как важно определить общие характеристики этой проблемы с трудностями интеграции тех, кто имеет опыт пребывания в любом закрытом институте: будь то детский дом или отделение психиатрической клиники. Выработка общих принципов рассмотрения проблемы имеет особое значение для проведения малых и больших проектов в области де-институционализации. Пока в России реформа де-институционализации происходит точно, а планируется как систематическая акция в отношении детских домов – хотя трудно представить эффективный переход к семейным формам жизнеустройства без изменения дизайна других закрытых учреждений. Ведь история пребывания в закрытом учреждении редко ограничивается опытом пребывания в одном учреждении – колонии или интернате, приюте или психиатричке – человек идет от института к институту, теряя социальный капитал и утрачивая социальную мобильность.

Также важно увязать дилеммы между собой, показав, как решение одной влияет на преодоление другой. Выстраивание логической связи между дилеммами важно и для того, чтобы специалист или организация могли определиться с целями своей деятельности и критериями эффективности реализуемых программ. Рассмотрение дилемм – не просто интеллектуальное упражнение, но модель выстраивания проектов и технологий относительно проблемы интеграции подростков из мест лишения свободы в общество (и не только). Разнообразие способов разрешения дилемм, помноженное на связи между ними, определяет не только конструирование проектов, но и отбор проектов по критериям своевременности и внутренней согласованности.

Три дилеммы будут рассмотрены по следующим критериям:

- точки зрения на решение дилеммы;
- ретроспектива способов разрешения дилеммы;
- значимость дилеммы для отечественной ситуации в данный момент (риски и последствия не-решения дилеммы);
- способы применения дилеммы для конструирования проектов.

§ 2. Дилемма «Гражданские свободы или социальные права».

Точки зрения на дилемму

Соотношение социальных прав и гражданских свобод – одна из определяющих дилемм для выработки политики интеграции осужденных. Ответ на вопрос «**Можно ли обеспечивать эти права одновременно**» представлен следующими точками зрения:

- водораздел между правами в пользу гражданских свобод, когда только гражданские свободы считаются правами;
- водораздел между правами в пользу социальных прав (когда ограничение в доступе к социальным правам рассматривается как источник и следствие криминального поведения);
- рассмотрение и социальных прав, и гражданских свобод как некоего единого пула прав (признается их непротиворечивость, которая приводит к изменению минимального стандарта соблюдения прав человека)³⁵.
- различение социальных прав и гражданских свобод, но определение их взаимосвязи через концепт инклюзии и

³⁵ Buchanan Al. Equality and human rights // Politics, philosophy & economics, Vol 4, n. 1 February 2005: pp. 69-90.

права «третьего поколения» (вне обеспечения минимума социальных прав как барьера для эксклюзии человека невозможно реализовать гражданские свободы);

Оказание правовой помощи осужденным становится вполне надежным критерием оценки каждой из четырех позиций в отношении дилеммы «социальные права или гражданские свободы». Разрешение данной дилеммы прямо связано с тем, какая модель интеграции будет применяться к осужденным: клиническая или социальная. Клиническая модель представлена официальной позицией исполнения наказания в Италии: осужденный должен захотеть измениться и участвовать в реабилитации, тогда он может быть допущен к ряду прав. Социальная модель представлена официальным определением интеграции в Германии: «в конституционном контексте реабилитация не означает веру в то, что каждый заключенный после мероприятий по реабилитации станет отреформированным или исправившимся, но идея ре-социализации отражает базовый принцип социального государства – право каждого гражданина на базовые свободы и доступ к их обеспечению»³⁶.

В ряде стран признана зависимость применения альтернативных мер наказания и досрочного освобождения от социального статуса осужденного – осужденный, у которого нет семьи, не ясны пути обеспечения социальных прав, часто отчуждается от досрочного освобождения. Осужденный, который не согласен участвовать в реабилитации, также может быть отчужден от права на применение альтернативных форм наказания или досрочное освобождение. Ориентация над-национальных институтов на альтернативные меры наказания и минимизацию применения лишения свободы (закрепленная в Токийских правилах 1990 г.) позволяет увязать трудности получения досрочного освобождения теми, кто не имеет доста-

³⁶ Western European Penal systems. A critical anatomy. Ed. by Ruggiero V., Ryan M., Sim J. SAGE Publications, London, 1995, P. 133.

точных ресурсов реализации социальных прав, с дискриминацией. В частности, случаи отказа в досрочном освобождении по причине недостатка гарантий реализации социальных прав входят в противоречие со статьями 1.5, 9.4 (о применении досрочного освобождения по возможности на самых ранних стадиях заключения) Токийских правил.

Получается, что фокус исключительно на гражданских правах не обеспечивает интеграции осужденных. Но и обеспечение исключительно социальных прав осужденных не гарантирует их интеграции. Поэтому понятия «потребность осужденного» преобразуется и встраивается в потребности семьи и окружения, поскольку социальные права, скорее, относятся к домохозяйству, а не индивиду. Также такое понимание концепта «потребность» позволит уйти от дилеммы «потребность или ресурс». Кроме того, проблемы, которые стали факторами совершения преступлений, относятся к образу жизни сообщества, в котором живет правонарушитель. Социальные гарантии и права человека могут составить единый стандарт обеспечения прав – эта точка зрения обосновывает необходимость преодоления отношения к проблеме ре-социализации в духе *laissez-faire* – ведь тот, кто был осужден, не может полностью самостоятельно решать свои проблемы.

Одна из наиболее жестких систем уголовного правосудия, американская, «уравновешена» акциями, направленными на минимизацию вклада каждой из ступеней правосудия в эксклюзию человека в конфликте с законом. В частности, юристы США анализируют вклад судебных приговоров и формата отбывания наказания в отчуждение осужденного от общества³⁷. Исследование показало, что чаще всего ущемляются право на жилье и комплекс прав, связанных с охраной здоровья. Кроме того, было выявлено ограничение осужденных на участие в общественной жизни. Соответственно, приговоры суда

³⁷ *Thompson A.C. Navigating the hidden obstacles of ex-offender reentry // Boston College Law Review, 2004, Vol 45, No 2, pp. 255-306.*

должны тестироваться по признаку наличия факторов риска для реализации прав осужденных после освобождения. В первую очередь такое тестирование соотносит срок исполнения наказания и контекст жизни осужденного; применение альтернативных мер наказания и наличие (возможность пополнения) социальных ресурсов. Итак, вторая точка зрения, направленная на изменение минимального стандарта обеспечения прав человека, успешно реализуется в странах, поддерживающих рестриктивную модель уголовного правосудия. Будет ли подобная точка зрения успешна в рамках восстановительного правосудия или при активном использовании альтернативных мер наказания? Думается, что не обязательно – таким образом, трактовка соотношения социальных прав и гражданских свобод зависит как от модели уголовного правосудия, так и от понимания условий интеграции осужденных в общество. Вторая из указанных точек зрения может быть реализована в определенной модели уголовного правосудия – что указывает на возможности и ограничения данной точки зрения.

Воплощение либерализма в политике приводит к тому, что многие политические проблемы начинают рассматриваться исключительно как проблемы прав человека³⁸ – что приводит к укреплению политики, уменьшающей общественный интерес. Во многом вторая точка зрения была выработана для минимизации последствий этого явления.

Соответственно, третья и четвертая точки зрения отражают идею тотальной инклюзии – когда никто не может быть отчужден от общественных благ и прав ни по какой из причин. Противопоставление социальных прав и гражданских свобод в первой точке зрения связано с вопросом о том, что важнее дать доступ ВСЕМ к правам (минимальный стандарт) или дать доступ ко ВСЕМ правам. Третья точка зрения предлагает изменить перечень прав, к которым все должны иметь доступ. Чет-

---

³⁸ Kennedy D. The dark sides of virtue: reassessing International humanitarianism, Princeton University Press, 2004, P.33.

вертая точка зрения указывает на то, что доступ ВСЕХ к правам должен быть обеспечен особым образом, а именно посредством механизма тотальной инклюзии, а именно де-институционализацией. Само существование закрытых институтов, таких как детские дома, психиатрические клиники, колонии, приводит к тому, что права человека ущемляются. Значит, основу обеспечения прав человека составляет минимизация роли закрытых учреждений. Далеко не в каждой системе социальной помощи и уголовного правосудия к такой точке зрения, а тем более, ее реализации, готовы. И даже если эта модель будет определена как желательная, то, в первую очередь, она задаст цели и направления развития системы, но никак не критерии оценки практики в данный момент. Однако именно эта точка зрения определяет весьма важный критерий обеспечения прав заключенных, а именно, наличие общей основы понимания ущемления прав людей в закрытых институтах. Без учета данной точки зрения невозможно развивать институт ювенальных судов – иначе ювенальная юстиция становится инструментом эксклюзии подростков.

Исторический пример

Примером трансформации системы права под влиянием дилеммы «гражданские свободы или социальные права» становится Акт о правах человека, принятый в Великобритании в 1998 г. – новый акт предписывает службам рассмотрение клиента в первую очередь как того, кто обладает гражданскими правами. Соответственно, оценка, вмешательство и представление результатов работы с клиентом подчиняется нормам этих прав³⁹. Этот пример показывает влияние дилеммы о социальных правах и гражданских свободах на развитие социальных сервисов, а во многом и на проблему реабилитации

---

³⁹ The law and social work. Contemporary issues for Practice Ed. by L.-A. Cull, J. Roche Palgrave, England, 2001, P. 77.

осужденных. Были предъявлены новые, более жесткие требования к соблюдению прав человека со стороны служб и более жесткие рестрикции в случае их несоблюдения (например, штраф для социальной службы). Новый критерий для оценки судебной практики, пропорциональность решений ситуации, заменил прежний критерий ответственности – решение должно быть пропорционально интересам человека, семьи, сообщества, и достижение пропорциональности обеспечивается, в том числе, участием социальных служб. Требование большей активности со стороны местных властей, например, в области контроля за расходованием средств по реализации рекомендаций суда, определило встраивание системы уголовного правосудия в социальные практики реабилитации и контроль за ними⁴⁰.

Проблемы российской практики

Российские общественные организации занимаются обеспечением прав осужденных в трех направлениях:

- продвижение гражданских свобод (когда институт колонии позиционируется как источник нарушений прав человека наряду с другими закрытыми организациями);
- обеспечение социальных прав (улучшение качества жизни осужденных во время и после заключения);
- смешанные программы (когда социальные права обеспечиваются для того, чтобы был доступ в места лишения свободы).

Можно указать для каждой из трех групп общественных организаций возможные направления развития в соответствии с анализом дилеммы «гражданские свободы или социальные права». НКО первой группы, «правозащитники», вызывают немало нареканий со стороны не только государства, но и тех общественных организаций, которые склоняются к эволюционному пути де-институционализации. Основная претензия со

стороны «умеренных» НКО состоит в том, что после «правозащитников» трудно работать с любым закрытым институтом: «Они тут потоптались своими правозащитными копытцами, а нам потом расхлебывать», – так образно описано противостояние двух типов НКО в одном из интервью. Поэтому правозащитно ориентированным НКО имеет смысл задуматься над тем, а какой перечень прав они защищают в традиции «военно-ответственного» мониторинга – может быть, технология выявления нарушений и продвижения прав не совсем соответствует объему защищаемых прав? Несомненно, для правозащитных организаций нет особой разницы между тем, о каком закрытом институте идет речь – колонии, психиатрической больнице или интернате. Действительно, все эти институты имеют общие черты: отчуждение человека от общества; недостаток, а то и отсутствие прозрачности, концепт «рецидив» для понимания неэффективности (будь то суицид в психиатричке или повторное преступление в колонии), стремление общества закрыться от знания об этих институтах. И каждая из этих общих черт может стать как отдельным направлением в разработке проекта, так и элементом общей концепции де-институционализации. Однако существуют и различия, обусловленные характеристиками проживающих и работающих в институтах. Поэтому категории абсолютного добра и зла, которыми оперируют правозащитники, не позволяют им специализировать предлагаемые направления улучшения ситуации – по этой слабой стороне правозащитников и бьют сторонники институциональных форм решения проблемы («Найдете вы проблемы – а что делать, не подскажите?!») ⁴¹.

Соответственно, социальные проекты часто утрачивают понимание того, что они – всего лишь приходящие люди в колонию, и что их задача состоит в наделении колонии и ее сотрудников, а также сотрудников других служб приемам рабо-

⁴⁰ Ibid, P. 74.

⁴¹ Kennedy D. The dark sides of virtue: reassessing International humanitarianism, Princeton University Press, 2004, P.13-16.

ты, мониторинга и разрешения проблем. Можно говорить о том, что и для правозащитных, и для социальных проектов в области закрытых учреждений характерен патернализм, правда, довольно различного свойства. Правозащитники полагают, что обладают монополией на толкование того, что есть право человека, а социальщики полагают, что только они в совершенстве владеют технологией оказания помощи, и передать такую технологию не представляется возможным. Именно поэтому социальные проекты имеют тенденцию превращаться в нечто постоянно действующее – это приветствуется и колонией, и часто самими социально ориентированными НКО. Социальным проектам необходимо решить задачу баланса между универсализацией предлагаемых методик и сохранением люфтов для индивидуализации и модификации предлагаемых методик помощи. Поэтому актуальными направлениями проектной деятельности социально ориентированных организаций становятся проекты по улучшению мониторинга применения методик, и в первую очередь тех методик, которые предполагают изменение организационного дизайна закрытых учреждений (внедрения технологий case-work и case-management⁴²; семейно-центрированных сервисов и служб визитирования; межведомственных команд).

Общей задачей и правозащитных, и социальных проектов становится выработка некоего соглашения о согласованных действиях в области де-институционализации – пока в России права третьего поколения и третий способ разрешения дилеммы «социальные права и гражданские свободы» практически не может быть выработан. Однако кооперация социальных и правозащитных движений может быть направлена на посте-

---

⁴² Технологии работы с отдельным клиентом, основанные на оценке потребностей этого клиента и создании поддерживающей сети вокруг него. Индивидуальная работа часто противопоставляется плановой работе, но на самом деле важно сочетать оба направления.

пенное внедрение в обиход деятельности прав третьего поколения. Идея развития кооперации между правозащитными и социальными проектами (организациями) может быть реализована в совместных исследованиях; «обмене» сотрудниками организаций, которые могли бы попробовать иную позицию и роль «в действии»; совместных семинарах и дискуссионных группах, направленных на оценку проектов внутри каждой из групп организаций. Несомненно, проблема патернализма в поведении общественных организаций соединяет дилеммы прав с дилеммой «активизация или контроль (забота)»: вероятно, расширение понимания того, что есть патернализм, возможно исключительно в ходе взаимодействия общественных организаций разной природы и направленности. Кооперация между общественными организациями правозащитной и социальной направленности представляется актуальной по двум причинам: во-первых, де-институционализация стала вполне реальной реформой, и важно согласованное усилие всех участников процесса; во-вторых, в России существует немало не самоопределившихся организаций, которые и не решали для себя дилемму «социальные права или гражданские свободы». Поэтому отдельным направлением проектной деятельности можно считать разработку проблемы не самоопределившихся организаций – как провоцировать самоопределение этих организаций. Объединение социальных и правозащитных проектов на основе понимания различий позиций и готовности находить ниши взаимодействия актуализирует перед смешанными и «потерявшимися» организациями вопрос определения своего места в этом сообществе.

Точки зрения на соотношение гражданских свобод и социальных прав, скорее всего, будут вырабатываться еще и еще – что отражает одновременно чрезмерную широту и узость концепта «права человека». Изменение точки зрения на соотношение прав разных групп связано с тем, что понятие «дискриминация» прошло длительный путь от обособленного рассмотрения разными науками до выработки комплексного подхода

к пониманию проблемы дискриминации и анти-дискриминационной практики. Этот путь существенно изменил большинство социальных наук – многие из которых стали активно применять концепты и методы других академических областей для понимания проблемы дискриминации.

Несомненно, проблема защиты прав осужденных встроена в проблему отечественного правозащитного движения в целом. Среди правозащитников пока не сложилось понимания многообразия моделей правозащитной деятельности, а также того, как эти модели трансформируются в отечественных условиях. Важным направлением проектной деятельности становится изучение соответствия применяемых технологий защиты прав задаче распространения и закрепления стандартов прав человека в России, а также предупреждение деформаций правозащитных моделей в условиях России.

§3. Дилемма «Реабилитация или наказание». **Точки зрения на дилемму**

Эта дилемма в равной степени встроена в проблему развития социальных служб и моделей правосудия. Дизайн социальных служб определяет потенциал осуществления реабилитации. Дилемма «реабилитировать или наказывать» в рамках социальных служб преобразуется в дилемму «интересы осужденного против интересов общества». Правовой вариант дилеммы «реабилитировать или наказывать» включает вопрос «особая система наказания для подростков или правосудие для всех». Так, например, в восстановительном правосудии дилемма «качать – реабилитировать» исчезает в силу отсутствия концепта «преступление – наказание», тогда как в рестриктивной модели функция реабилитации оказывается выведенной «за скобки» системы уголовного правосудия – реабилитацией занимаются службы и помогающие специалисты.

Социальный профиль дилеммы

Дилемма «качать или реабилитировать» в отношении несовершеннолетних подростков, по мнению Mehlbye и Walgrave, разрешается каждой страной в рамках выработки модели благосостояния ребенка и семьи. Однако, как и в других областях социальной помощи детям, важно придерживаться семейно-центрированного, а не дето-центрированного (как раньше) подхода к изучению проблемы и ее решению. Тогда и репертуар мер вмешательства будет адекватен более широкому кругу ситуаций. Специалисты рекомендуют включать такие меры как: предупреждение или выговор; супервизия семей и/или ребенка; помещение на краткосрочный патронаж в принимающую семью или институт; для тех, кто старше 16 лет – помещение в заключение (с соблюдением особых условий заключения). Если реабилитация встроена в семейно-центрированный подход, то потребности подростка встроены в потребности семьи. Если реабилитация осуществляется в детоцентрированном подходе, то потребности подростка противопоставляются потребностям семьи.

Семейноцентрированный подход противостоит детоцентрированному подходу. Разница между подходами заключается в том, чьи интересы составляют приоритет работы специалиста – отдельного ребенка или всех членов семьи. Детоцентрированный подход отражает невозможность преодолеть конфликт между интересами ребенка и общества, тогда как семейноцентрированный подход позволяет преодолеть конфликт общественного интереса и права конкретного ребенка посредством привлечения и развития ресурса семьи.

Насколько справедлив принцип «Благополучие детей – прежде всего»? Современные исследователи указывают на то, что основа концепции ювенальной юстиции, благополучие ребенка, на самом деле – источник дискриминации как взрослых, так и самих детей. Детоцентрированный подход имеет два источника развития. С одной стороны, философия Про-

свещения, указавшая на отличность ребенка от взрослого и необходимость особого подхода к ребенку. Известный исследователь делинквентности Mantsa заметил, что если бы не концепт особости детства, который лег в основу ювенальной юстиции, никогда бы не было сконструировано и понятие «подростковая делинквентность», а многие подростки не стали бы заложниками этой концепции. Распространение семейноцентрированных технологий реабилитации связано и с закреплением в практике разных стран норм Европейской конвенции о правах человека. Традиционные техники вмешательства, основанные на индивидуализированном подходе, уступают место семейно и community центрированной работе, при котором риск нарушить права человека из уважения к частной жизни существенно снижаются. Общая тенденция минимизировать участие служб, основанных на приоритете специалиста, привело к формированию новой традиции реабилитации, основанной на привлечении добровольцев и «профессионализации» окружения трудного подростка⁴³. Эта тенденция связывает дилемму «реабилитация или наказание» с дилеммой «волонтер или профессионал» (см. § 4 данной главы).

Что же следует предпринять для решения дилеммы «интересы осужденного подростка – интересы общества»? Ответ зарубежных коллег ясен – преобразовать понятие «благополучие ребенка», внедрить в практику иные стандарты понимания и вмешательства в развитие подрастающего человека.

Пути ре-концептуализации принципа благополучия детей включают расширение понятия «успешная жизнь», от исключительно экономических критериев к более комплексным, включающим смысл жизни и сохранение своей самости. Важно принять идею, что около взрослого, который жертвует ради ребенка чем-то, трудно вырастить успешным самого ребенка. Содействие взрослому может эффективней повлиять на ситуацию, чем прямая работа с ребенком – например, трудоу-

---

⁴³ Ibid, P.78

ройство отца иногда значит для развития ребенка больше, чем детское пособие. Ребенка легче уважать, если уважаются и его родители, и ребенка легче научить уважать себя, если его учат уважать права взрослых.

Трудности перехода от детоцентрированного поведения к семейноцентрированному связаны, по мысли ряда исследователей, с тем, какова была позиция государства в отношении семьи – нейтральна или обусловлена применением технологий контроля. В странах, которые имеют давнюю традицию контроля за семейной жизнью (США, Канада, Польша), семейноцентрированные формы развиваются много медленней, чем в странах, которые отстраивали свою социальную политику в триаде «общество – государство – рынок» (Нидерланды, Бельгия) или «индивид – государство – рынок» (Франция), но не «семья – государство – рынок» (США). Великобритания, по мнению ряда исследователей, отличается смешанной основой социальной политики, в которой участвуют четыре актора: общество, индивид, государство, рынок. Разные акценты социальной политики (на семье, индивиде или обществе) формируют различное понимание того, что есть интерес ребенка. В континентальной Европе данный концепт практически не имеет индивидуалистической окраски – речь идет о ребенке внутри семейной системы, тогда как в США до последнего времени интерес ребенка означал приоритет прав ребенка над правами взрослых. Семейная центрация социальных служб согласуется с таким новшеством в системе уголовного правосудия как семейные конференции – когда проблема подростка в конфликте с законом рассматривается посредством привлечения всех членов семьи.

Проблемы российской практики

Несомненно, перед социально ориентированными НКО в России стоит задача развития и распространения семейноцентрированных сервисов – ведь даже в самых прогрессивных

учреждениях, таких как интегрированные школы, патронатные службы, отделения дневного пребывания для душевнобольных, элементы семейноцентрированного подхода практически отсутствуют. Однако существует не одно препятствие для развития семейноцентрированных форм.

Следует отметить, что либерализация социальных служб в развитых странах прямо и косвенно содействовала семейноцентрированной помощи. Одни подходы к ее оказанию (например, экологический) вписывались в логику реформ и всесторонне поддерживались со стороны государства, становясь фасадом официальной науки. Другие (гуманистический, радикальный) развивались как альтернативы государственной линии развития гуманитарной науки, и поддерживались общественными организациями, научными сообществами и ассоциациями специалистов. Данный факт важен для понимания одного из ограничений развития семейноцентрированных служб в современной России – официальное лицо гуманитарной науки, сохранившееся с советского периода, достаточно далеко от перечисленных выше подходов, а новые подходы заимствуются фрагментарно и не меняют установки специалистов.

Западные страны пережили два этапа развития семейноцентрированных служб – в ходе интенсивной либерализации службы были созданы на волне экономии средств, однако затем многие службы были закрыты, поскольку оказались не более рентабельными, чем закрытые учреждения⁴⁴. Однако через некоторое время семейноцентрированные службы стали возрождаться – было определено особое значение заблаговременности вмешательства и значение возраста ребенка для эффективности и экономности вмешательства. Кроме того, профессиональное сообщество социальных работников развитых

---

⁴⁴ Подробнее статья Шмидт В.Р. Либерализация: единственный путь де-институционализации или одна из возможных стратегий // Журнал исследований социальной политики, http://www.jsps.ru/pdfs/JSPS%20vol3_num4.pdf.

стран, по достоинству оценив эффекты семейноцентрированных служб, стало изыскивать возможность ренессанса таких сервисов. Поэтому можно указать на то, что развитие семейноцентрированных служб связало две противоречащие друг другу тенденции социальной сферы, с одной стороны, либерализацию и введение рыночных механизмов в управление социальной сферы, а, с другой стороны, радикализацию профессионального мышления специалистов. Пока в России можно наблюдать только одну из тенденций – либерализацию. Собственно радикального мышления отечественным социальным работникам явно не хватает – что-то будет с семейными службами, если они так и останутся исключительно порождением рынка и, как на Западе, не оправдают надежд на рентабельность?

Возможно, следует обдумать такие направления проектной деятельности, которые были бы направлены на распространение различных методологий социального мышления в практику общественных организаций.

Правовой профиль дилеммы

Сложились две модели уголовного правосудия: партисипаторная и институциональная⁴⁵. Партисипаторная модель описывает процесс правосудия посредством указания на отношения между физическими лицами – участниками процесса: защитным, пострадавшим, судьей, адвокатом, прокурором, представителем полиции и охранником в тюрьме. Партисипаторная модель основными функциями правосудия полагает: соблюдение справедливости, наказание и реабилитацию. Соответственно, в партисипаторной модели противоречие между наказанием и реабилитацией преодолевается во времени: человека наказывают, а потом реабилитируют.

---

⁴⁵ *Raine J.W., Willson M.J. Managing criminal justice Harvester Wheatsip, Great Britain, 1993.*

Институциональная модель направлена на реализацию функций *управления правосудием; минимизацию криминального поведения; утверждение норм правосудия в обществе*. Соответственно, функция реабилитации в данной модели не представлена. Предполагалось, что реабилитация вынесена за скобки уголовного правосудия.

Данные модели понимания уголовного правосудия длительное время существовали как взаимоисключающие альтернативы в силу различий в критериях эффективности уголовного правосудия. Партисипаторная модель подчеркивала права человека и «человеческое лицо» справедливости, а институциональная модель полагала основой правосудия соблюдение установленных норм и правил. Художественным примером противостояния этих моделей можно считать недавний роман Джулиана Барнса «Артур и Джордж»⁴⁶, в котором юрист, пострадавший от несправедливого приговора, стремится отстаивать свои права в рамках институциональной модели правосудия, а писатель, защищая права невинно обвиненного, следует логике партисипаторной модели, и оба терпят поражение – возможно, потому, что действие романа приходится на рубеж 19 и 20 вв., когда правосудие входило в длительный период реформации.

Институциональная модель получила окончательную монополию в конце 19 в. Изначально ювенальная юстиция сложилась как локально действующая партисипаторная модель правосудия внутри институциональной. Реабилитация становилась привилегией несовершеннолетних и заложницей классической модели ювенальной юстиции. Поэтому кризис ювенальной юстиции можно рассматривать как частный случай общего кризиса институциональной модели уголовного правосудия.

---

⁴⁶ Роман основан на реальных событиях борьбы Артура Конан Дойля за права Джорджа Эдалджи, см. официальный сайт романа: <http://www.randomhouse.com/kvpa/barnes/>

Ни одна из моделей не отвечала задачам защиты прав человека и реабилитации осужденных. Институциональная модель утвердилась как ведущая, а партисипаторная оставалась на периферии и в пользу тех, кто стремился отстаивать права отдельного человека (например, права осужденных женщин-матерей, престарелых осужденных, осужденных, страдающих психическими расстройствами, и т.д.). Уголовное правосудие существовало как внутренне конфликтная система. По мнению ряда исследователей, этим и был обусловлен кризис уголовного правосудия и его институтов во второй половине 20 в.

Исторический пример

Примером, иллюстрирующим кризис, может стать история служб пробации (сопровождения условно осужденных и освободившихся) Великобритании. Первоначально службы пробации были организованы при Министерстве внутренних дел, затем были переданы в ведомство социальных служб, а в 1996 г. вновь ушли в ведомство внутренних дел. Переход из одного ведомства в другое сопровождался не только то усилением, то минимизацией функции реабилитации в деятельности офицеров пробации, но изменением взаимодействия между пробацией и социальной службой. До 70-х гг. мнения офицеров пробации и социальных работников о подростке, представшем перед судом, часто существенно различались. В результате, судьи, привыкнув к конфликту мнений, стали считать мнение офицеров пробации более реалистичным. Формальная передача пробации в социальные сервисы мало что изменила – в социальной работе выработались «женский» и «мужской» стили деятельности, так офицеры пробации определили разницу между собой и обычными социальными работниками⁴⁷. Все попытки поддержать партисипативную модель юстиции со

---

⁴⁷ The law and social work. Contemporary issues for Practice Ed. by L.-A. Cull, J. Roche Palgrave, England, 2001 P.121.

времен Акта о правах ребенка 1969 г. не достигли успеха – только преобразование системы уголовного судопроизводства в целом позволило повлиять на дизайн служб, занимающихся реабилитацией осужденных.

Проблемы российской практики

Российская ювенальная юстиция на данный момент отчуждена и от уголовного правосудия, и от социальной помощи – вопрос о возможности ее встраивания должен пониматься в контексте всех изъянов уголовного правосудия и социальной сферы, потому что по большому счету встраивать ювенальную юстицию не во что.

Связь дилеммы «наказание или реабилитация» и «гражданские свободы и социальные права» указывает на необходимость более широкого понимания отечественной практики принятия решений в отношении судьбы детей и подростков – ведь многие решения, которые на Западе принимаются судами, в России принимаются квази-судебными органами (органами опеки и попечительства, Комиссиями о делах несовершеннолетних, Медико-психолого-педагогическими комиссиями). Соответственно, стратегическим направлением развития отечественной практики помощи несовершеннолетним можно считать не столько введение новых институций, сколько активизацию и преобразование уже действующих служб и учреждений.

Несомненно, важны проекты, направленные на прикладные исследования следующих вопросов:

- подходы к описанию и пониманию проблем осужденных (например, когда постановка проблемы становится риском отчуждения осужденных от общества);
- управление реабилитацией (например, в ситуации многообразия программ и стратегий; или в ситуации кризиса служб, выполняющих функции пробации);
- экономическая состоятельность программ реабилитации (критерии оценки экономической состоятельности

программ реабилитации; проблема вариативности критериев в зависимости от организации, в том числе применение методик cost-benefits analysis для подсчета краткосрочных и долгосрочных эффектов проектов);

- социальный маркетинг программ реабилитации и уголовного правосудия для несовершеннолетних (как оптимизировать отношение общества к реабилитации осужденных);
- внедрение результатов современных исследований в практику работы специалистов.

§ 4. Дилемма «Профессионал vs волонтер». Точки зрения на дилемму

Можно по-разному относиться к дилемме профессионал или волонтер, однако она существует – как существует разница в позициях, критериях успешности их деятельности, требованиях к тем и другим. Суть различия между волонтером и профессионалом заключается в понимании миссии своей деятельности:

- состоит ли эта миссия в продвижении интересов общества, но не жесткими, а лояльными способами;
- или, наоборот, гораздо важнее «держаться» интереса клиента даже тогда, когда все вокруг против него;
- или же суть деятельности и состоит в том, что кто-то держит интерес общества, а кто-то клиента – когда примирить эти интересы не представляется возможным. Но кто, волонтер или профессионал, должен быть на стороне индивида против общества, если такое противостояние существует?

В разные периоды развития профессиональной социальной работы и добровольческой помощи дилемма «Профессиональная помощь или содействие волонтеров» приобретала разный фокус (см. табл. 5).

Например, первые волонтеры полагали, что кроме них никто не обращал внимания на нужды тех или иных групп. Самого факта готовности помочь, а также принадлежности волонтеров среднему и высшему классу (носителям высоких образовательных стандартов и новых идеалов), казалось, будет достаточно для достижения позитивной цели. Однако уже несколько десятилетий существования волонтерского отношения показали, как много другого требуется для достижения цели благополучия уязвимых групп.

В конце 19 в. британское общество активно обсуждало вредные последствия деятельности благотворительных организаций, боровшихся за трезвый образ жизни. Религиозная основа деятельности этих организаций, случаи давления на опекаемых, малая эффективность оказываемой помощи (которая измерялась возвратом к вредным привычкам подопечных) – все эти доводы открыли историю противостояния волонтеров и профессионалов⁴⁸. В середине 80-х гг. 20 в. истории социальной работы актуализировали вопрос о вкладе благотворительности начала века в развитие помогающей деятельности. Это было важным для развития служб микросообществ (community care) – чтобы предотвратить возможные отрицательные последствия, которые уже имели место в прошлом. Основным доводом в пользу ограничения благотворительной деятельности в отношении таких категорий уязвимых групп как заключенные, страдающие от химической зависимости, стало непонимание волонтерами сущности проблемы этих людей, применение обезличенных жестких схем помощи, основанных на идеологии воздержания, искупления вины и т.д. Как показал ретроспективный анализ, ограничение помощи оказанием материальной поддержки осужденным не только не уменьшало, но усиливало риск рецидива и ограни-

---

⁴⁸ McAllister D., Bottomley A. Keith, Leibling A. From custody to community: throughcare for young offenders. Avebury, Aldershot, 1992, p. 3.

чивало интеграцию осужденных в общество. Сторонники профессиональной социальной работы указывали на то, что одной доброй воли мало – важно знать свои ограничения, уметь объективно оценивать сложность ситуации и пределы ее улучшения. Однако до середины 20 в. социальная работа продолжала существовать в двух измерениях: как профессиональная и добровольческая деятельность. Причем и специалисты, и волонтеры развивались, в том числе, и под влиянием проработки дилеммы: «Что важнее: мотивация или профессионализм?».

Добровольческие инициативы существенно продвинули понимание мотивов социальной помощи. Патернализм уступил место терпимости. Соответственно, профессионалы активно развивали содержание компетентности специалиста. Однако роль дилеммы «Компетентность или мотивация» остается важной – например, относительно проблемы патронатных родителей, родителей ребенка с особыми нуждами: до какой степени они остаются добровольцами, а в чем должны профессионализироваться. На макроуровне дилемма «доброволец – профессионал», в том числе, была минимизирована появлением благотворительных фондов (пик их появления пришелся на конец 50-х гг.), которые ввели практику проектного менеджмента и найма профессионалов для решения задач социальной сферы⁴⁹.

Институционализация социальной работы совпадает с золотым периодом государств благосостояния (50-60 гг. 20 в.), который заканчивается с наступлением эпохи либерализации (70-80 гг. 20 в.). Важнейшим отличием периода либеральных реформ от предыдущего периода можно считать отношение к неравенству – если для государств благосостояния неравенство – это зло, с которым надо то так, то эдак бороться, то для эпохи либерализации неравенство обладает позитивным заря-

---

⁴⁹ The spread of economic ideas. Ed. by D.C. Colander, A.W. Coats, Cambridge university Press, 1993, p. 160-161.

дом, положительным вызовом для развития человека. Часто люди, не пристально вглядывающиеся в идеологии социальной политики, удивляются, как в период либерализации возможно ужесточение системы наказания, усиление ее рестриктивной сущности, ведь либерализм означает устремленность к свободе? Но если вдуматься в суть либеральной политики – стимуляция людей посредством соревнования, использование неравенства для активизации людей, то ясно, что человек, нарушивший закон, должен оказаться в положении «вне игры», в соответствии с логикой либеральных реформ.

Ценности социальной работы, как и благотворительности, были девальвированы самим ходом либеральных реформ. С одной стороны, исследования того периода ясно дают понять – прямая денежная помощь еще больше отчуждает человека от общества. С другой стороны, социальные работники приобретают имидж людей, безропотно подчиняющихся власти, принимающих только неэффективные решения. Одним из следствий либерализации социальной сферы и девальвации ценностей социальной работы становится психологизация – в центре оказывается один человек, в котором так важно обнаружить и развить ресурсы. Как и многие другие «социальные» сферы профессиональной деятельности, социальная работа претерпевает редукцию к одной из наук, психологии, социологии или социальной политике⁵⁰. Соответственно, дилемма «профессионал или волонтер» приобретает иное звучание – «узкий специалист или широко мыслящий гуманитарий». «Бой» редукции социальной работы до какой-то одной из наук дали многие видные мыслители 60-70-х гг.: Мишель Фуко, Роберт Лэнг, Ирвинг Гофман и т.д. Важно, что полем для формирования междисциплинарной позиции становится проблема закрытых институтов и обоснование де-институционализа-

---

⁵⁰ Например, среди юристов формируется традиция узкой специализации, что становится существенным препятствием для осуществления правозащитной деятельности.

ции. Тесная связь между новым методом социального мышления и направленностью этого мышления придает социальной работе новое направление для развития – ведь только в рамках решения таких проблем как стигматизация, дискриминация, возможна выработка междисциплинарного подхода.

В конце 60 гг. начинается пересмотр деятельности благотворительных фондов – так, в отчете G.D. Goodwina о деятельности Ford Foundation в качестве одного из барьеров деятельности проектов фонда в период с 50-х по 70-е гг. рассматривается явление моно-дисциплинарной миопии – когда носителю той или иной академической области приписывалась монополия на правду, и проекты, финансируемые фондом, были то экономическими, то политическими, то правовыми⁵¹. Главным доводом в пользу преодоления данной установки становится комплексное понимание феномена неравенства и благосостояния. Однако не всякий исследователь готов рискнуть чистотой научной позиции.

Отдельным направлением становится изучение вклада обстоятельств, политических, культурных и экономических, в профессиональное мышление. Долгое время мышление специалистов развивалось в зависимости от хода социальных изменений, в соответствии с марксовским «бытие определяет сознание». Формирование междисциплинарной основы социальной науки содействовало формированию и обратного направления влияния: мышление и рефлексия стали определять ход развития социальных процессов. Схема многоуровневого анализа социальной проблемы, от макро уровня к микроуровню была дополнена еще одним направлением изменений – от микроуровня к уровню принятия решений. Интересно отметить, что обсуждение роли исследователя в решении социальных проблем еще раз обнаружило непримиримость «левых» и «правых». Если либералы, выдвинув в период рейгономики,

---

⁵¹ The spread of economic ideas. Ed. by D.C. Colander, A.W. Coats, Cambridge university Press, 1993, p.168-169.

идею think tanks, со временем оказались разочарованы в возможности влиять на общество посредством заигрывания науки и власти, то социал-демократы, сформировав радикальную модель социального знания, смогли продвинуть свои идеи в реальные технологии помощи.

Существенное продвижение научных основ социальной работы содействовало тому, что последствия либеральных реформ были осознаны, в том числе был сделан вывод и о том, что повернуть либеральные реформы вспять, даже если их последствия негативны, трудно. Поэтому одним из компромиссных вариантов становится введение служб микросообществ (community care). По сути, профессиональные и общественные организации вступили в сферу состязания за средства грантодающих организаций и государства. А потому дилемма «волонтер – профессионал» приобрела новое звучание: «Что с экономической точки зрения эффективней: содержать штат профессионалов или содействовать развитию волонтерских движений?». Был получен не один вариант ответа на этот вопрос: например, сочетание работы специалистов и волонтеров дает оптимальный эффект; профессионалы могут управлять волонтерами; волонтеры профессионализируются в той мере, которая нужна для решения задачи, и т.д. Однако следует обратить внимание на то, что все эти варианты разрабатывались в условиях давней и более или менее преемственной истории развития как профессиональной социальной помощи, так и добровольческого движения.

Примером разрешения дилеммы «волонтер или профессионал» становится специальный проект по преодолению добротизма социальных работников в Норвегии. Концепт «добротизм»⁵²(от норвежского snillisme) вводится для описания сложившейся проблемы в сообществе помогающих специали-

⁵² Hagelund A Why it is bad to be kind. Educating refugees to life in the welfare state: a case study from Norway //Social policy and administration 2005, vol. 39 No 6, December, pp. 669-683.

стов – установка специалиста, которая оправдывает сколь угодно огромную (по объему и времени) поддержку представителей уязвимых групп. Эта установка противопоставляет специалиста государственной политике, направленной на наделение клиентов властью над собственной жизнью. Данная установка поддерживается и чертой национального мышления норвежцев – «быть мировыми чемпионами по терпимости и доброте». Однако, например, в отношении выходцев из мусульманских стран такая установка противоречит традиции считать, что бог помогает тому, кто помогает себе (типично для культуры мусульманина). Последствия того, что специалисты руководствуются добротизмом, состоят не только в том, что клиенты не получают достаточно позитивных вызовов, но нет внимания ресурсам клиентов и чрезмерное следование принципу «делай что хочешь, мы тебя поддержим в любом случае» препятствует либо социализации, либо развитию рефлексии представителей уязвимых групп.

Программы ресоциализации стали минимизировать роль профессиональных социальных работников и усилили привлечение людей с мотивацией к помогающей деятельности, но имеющих другой профессиональный опыт (предприниматели, рабочие, медики). Важнейшей задачей становится внесение позитивного профессионального опыта во взаимодействие с клиентами. Интеграция должна выйти за пределы профессиональной социальной работы.

Стандарты помощи при условии, что не профессионал активно вовлечен в процесс интеграции, поддерживаются через привлечение супервизоров из профессиональных соцработников. Супервизоры участвуют в разрешении большинства сложных ситуаций и содействуют ре-концептуализации опыта волонтеров для более эффективной работы с клиентами. Опыт показывает, что конфликты в системе «супервизор – волонтер» неизбежны и должны рассматриваться как ресурс рефлексии обеих сторон.

Таблица 5. История дилеммы «Профессионал или доброволец», ее вклад в профессиональное мышление

Фокус дилеммы и период актуальности	Контекст возникновения дилеммы	Продукты разрешения дилеммы	Вклад в рефлексию специалистов
<p>Конец 19 в. – начало 20 в. и до середины 20 в.</p> <p>Что важнее: мотивация помогающей деятельности или компетентность (профессионализм)?</p>	<p>Индустриализация и, как следствие, усиление социальной стратификации (добровольческой активности недостаточно для смягчения социальных проблем).</p> <p>Период институционализации и профессионализации социальной работы (ее выделения в отдельное направление деятельности специалистов).</p>	<p>Альтернативные системы ценностей (например, отказ от жестких моральных суждений в пользу профессиональной нейтральности).</p> <p>Трансформация сути волонтерской деятельности: от моральных предписаний и материальной помощи к социальному служению (волонтеры потеряли монополию на единственную правильность суждений).</p> <p>Деление социальной работы на два основных направления: работа с группой и работа с индивидом.</p>	<p>Меняется ли мотивация труда у волонтера?</p> <p>Как мотивация зависит от компетентностной основы труда?</p> <p>Не становится ли специалист от избытка знаний менее мотивированным?</p> <p>Не становится ли мотивация к помогающей деятельности препятствием для улучшения знаний и навыков?</p>
<p>60-70-е гг. 20 в. Кто лучше решает проблему: узкий специалист или волонтер-исследователь с широким взглядом на проблему?</p>	<p>Девальвация ценности социальной работы как повседневного воплощения идеи государства благосостояния.</p> <p>Переоценка критериев эффективности социальной работы и ее места среди социокультурных практик.</p>	<p>Постановка проблемы моно-дисциплинарной миопии.</p> <p>Ренессанс научного обеспечения социальной работы (внедрение современных идей в социальную работу) - в первую очередь относительно проблемы общество – индивид.</p>	<p>На какой основе собирать разные науки и подходы для решения определенной проблемы?</p> <p>Как усилить междисциплинарный синтез?</p> <p>Добрая воля исследователей к междисциплинарному синтезу – как ее достичь?</p>

Фокус дилеммы и период актуальности	Контекст возникновения дилеммы	Продукты разрешения дилеммы	Вклад в рефлексию специалистов
<p>80-90-е гг. 20 в.</p> <p>Что экономически выгодней: поддерживать волонтеров или профессионалов?</p> <p>В пользу какой организации принять решение о выделении средств: той, которая ориентирована на профессиональные стандарты, или той, которая воплощает устремления целевой группы?</p> <p>Какова позиция общественных организаций: альтернатива государственной системе или ее дополнение?</p>	<p>Попытка примирить последние либерализации и необходимости поддерживать социальные стандарты.</p> <p>Развитие основ и стандартов социальной работы в мире с существенно различными условиями оказания помощи (например, как быть соцработникам в Африке, которые видят уровень социальной работы в странах Скандинавии).</p>	<p>Партисипативные и акционистские методы исследования социальных проблем (как разрешение противопоставления "специалист - клиент - волонтер").</p> <p>Трансформация концепта клиент в концепт соисполнитель решения задачи.</p> <p>Разрешение дилеммы "Активизация или забота", формирование непротиворечивых стратегий совмещения активизации и заботы.</p>	<p>Что значит эффективная социальная работа?</p> <p>Как быть, если эффективность различна для разных участников процесса?</p> <p>Может ли профессионал управлять волонтерами?</p> <p>Работают ли волонтер и профессионал вместе или должны быть разделены?</p> <p>Какова ответственность волонтера? Как зафиксировать обязательства волонтера?</p>

Проблемы российской практики

Насколько дилемма «Волонтер или профессионал» актуальна для современной ситуации в России? Представляется, что более чем. Длительное время общественные организации заполняли пробелы профессиональных социальных служб – в отношении несовершеннолетних в местах лишения свободы это замечание более, чем верно. Среди этой группы активистов выработалась промежуточная позиция: «не то волонтер, не то профессионал»: цели ставятся вполне профессиональные, люди получают гонорар за свою работу, но контроля и мониторинга их деятельности почти нет, как и нет выработан-

ных критериев оценки эффективности их труда. Можно говорить о том, что за 10 лет действия грантовых программ в области социальной интеграции сформировалась проблема дифференциации позиций профессионалов, волонтеров и выработки основы их взаимодействия. Данная проблема актуализируется в силу того, что появляется новая волна волонтеров, которые могут вполне претендовать на роль профессионалов – это представители Русской православной церкви и других конфессий, которые активно поддерживаются системой исполнения наказания. Предотвратить смешение позиций и блокирование в формировании системы мониторинга качества реабилитации – задача тех НКО, которые уже действуют в поле.

Каковы перспективы дилеммы «Волонтер – профессионал» относительно проблемы интеграции осужденных? Возможно, имеет смысл рассмотреть ситуацию, когда вокруг осужденного действует команда, в которой есть и профессионалы, и волонтеры. Тогда задача каждого участника – различать возможности и ограничения своей позиции, позиции другого. Возможно, в разных случаях могут быть вовлечены разные «объемы» волонтерской и профессиональной помощи. Однако имеет смысл применить к российской ситуации все три «поколения» проблемы волонтер – профессионал, и, возможно, в первую очередь, второе поколение решения дилеммы, а именно – вовлечение в проблему «интеграция осужденных» исследователей разного профиля, продвижение проектов, направленных на междисциплинарные исследования. Например, таким проектом может стать изучение вклада СМИ в формирование образа проблемы интеграции осужденных; вовлечение закрытых профессиональных сообществ, в первую очередь, юристов в разработку комплексного понимания проблемы интеграции.

Задания к Главе 2

1. Одна и та же дилемма имеет свойство со временем преобразовываться – в контексте социальных изменений. Однако прежний вариант дилеммы не теряет своей актуальности, а

встраивается в пространство вопросов, решить которые вроде как и нет возможности, но без процесса раздумья над которыми не складывается профессионализм и ответственность за позицию. Главнейшая задача дилемм – содействие самоопределению специалиста, а именно ответа на вопросы: какой подход и как я реализую, почему мой выбор таков, чем я рискую, осуществляя такой подход, и чем рискуют те, кому я помогаю. Обдумывание дилемм вне исторического контекста чревато – можно думать на несвоевременную тему, попадать в ситуацию придумывания колеса, терять значимые контексты осуществления своего выбора. Эти выводы относятся и к задаче интеграции осужденных в общественную жизнь. Просмотрите параграфы 2, 3, 4 данной главы. Попробуйте определиться со своей точкой зрения относительно каждой из дилемм. Ответ зафиксируйте в следующей таблице:

Дилемма	Моя точка зрения	Ограничения моей точки зрения
Социальные права или гражданские свободы		
Реабилитация или наказание		
Волонтер или профессионал		

2. Мера и содержание успеха интеграции осужденных зависит от того, насколько интеграция встроена в следование социально одобряемым нормам. В одних странах интеграция означает, что осужденный исправляется, приобретает намерения и ресурсы стать «хорошим» гражданином (Франция, Япония, Бельгия). В других странах интеграция не зависит от общественных норм (готовности осужденного их принять) и означает предоставление любому человеку права на доступ к социальным правам (Германия, страны Скандинавии). Разные

подходы к определению интеграции определяют разные критерии ее эффективности. В одних странах то или иное определение интеграции закреплено в законе, что позволяет выработать однозначные критерии эффективности интеграции для служб и специалистов. Однако в ряде стран общество, специалисты разных сервисов и политики оперируют отличными друг от друга подходами к определению реабилитации (Великобритания, Нидерланды, Италия). Противоречия в определении сути интеграции порождает конфликты во взаимодействии служб и решении задач, которые требуют участия разных специалистов и служб. Попробуйте ответить на вопросы:

Какое определение интеграции актуально для России и как закрепить его на законодательном уровне?

Насколько в современных условиях возможно обращение к радикальному определению интеграции?

Можно ли построить обособленную программу интеграции осужденных, если не сформирована общая программа содействия социальной инклюзии?

Без ответа на эти вопросы многие реформы, имеющие непосредственное отношение к ре-социализации заключенных – введение альтернативных мер наказания, ювенальная юстиция, восстановительное правосудие и т.д., будут ограничены в ресурсе гуманизации и обеспечения прав человека.

США: от обособленной юстиции для подростков к рестриктивному правосудию

США – пионер как во введении ювенальной юстиции, так и в проведении всяческих реформ в этой области правосудия. Классическая модель ювенальной юстиции как гуманной и противостоящей общему правосудию была разработана именно в США на рубеже XIX–XX вв. Современная ситуация отличается полной встроенностью ювенальной юстиции в общее уголовное правосудие и наличием специальных программ

психосоциальной помощи для подростков в конфликте с законом.

Неуспех ювенальной юстиции в решении задачи реабилитации, который был признан общественностью и государством в конце 1950-х гг., повернул ювенальную юстицию в сторону рестриктивного правосудия. В свою очередь, целый ряд громких дел Верховного суда о нарушениях судебных процедур в ювенальных судах только усилил тенденцию встраивания ювенальной юстиции в общее уголовное правосудие. Встраивание происходило посредством двух механизмов: с одной стороны, дела, связанные с серьезными преступлениями, передаются во взрослый суд (это решение было принято 44 штатами в период с 1992 по 1997 г.); с другой – ряд штатов снизил возраст, с которого наступает полная уголовная ответственность (например, в штате Индиана с 1997 г. перед взрослым судом в исключительном случае может предстать и подросток 10 лет). Механизмы передачи дел во взрослые суды отражают победу тенденции *tough-on-crime* (жесткое пресечение наказания) над гуманитарными установками: решение принимается в одних штатах исключительно волей прокурора (например, в штате Флорида прокурор имеет право выступить с инициативой о передаче дела во взрослый суд) или судьи.⁵³ Ювенальные суды все чаще оперируют критерием тяжести преступления, но не обстоятельствами его совершения; соответственно, круг мер наказания включает и более длительные сроки наказания, и смертную казнь.

Одна из основных тенденций современной ювенальной юстиции США – ежегодная передача около 10 тыс. дел во взрослые суды. Такая тенденция связана не только с ростом количества тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, но и общей тенденцией недоверия ювенальным судам.

⁵³ *Chamberlin Ch. Kids anymore: a need for punishment and deterrence in the juvenile justice system // Boston college law review. 2001. Vol. 42. N 2. March. P. 391-420.*

С конца 1980-х гг. установлено правило, по которому значительная часть подростков может быть передана под юрисдикцию обычных уголовных судов, что первоначально нивелировало положительные стороны ювенальной юстиции. Решение принималось полицией или представителем офиса прокурора, без предварительного изучения жюри. Отрицательная реакция на нововведение и последствия его реализации наступила довольно быстро. Идеологом создания альтернативы стал Малкольм Юнг (*Malcolm C. Young*), разработавший пособия для адвокатов по ведению дел несовершеннолетних в судах для взрослых. Успешная кооперация юристов с психологами в подготовке заключений для суда становится основой противостояния тенденции принимать в отношении подростков жесткие решения.⁵⁴

Можно указать на три тенденции, которые определяют будущее ювенальной юстиции в США: 1) отмена ювенальной юстиции; 2) развитие служб микросообществ как альтернативы институциям уголовного правосудия; 3) применение в отношении несовершеннолетних приговоров смешанного типа (одновременное использование норм ювенальной юстиции и «взрослого» правосудия). Данные тенденции представлены не только в дискуссиях специалистов и общественности, но и в разнообразных проектах, которые реализуются в контексте сравнительного мониторинга опыта разных штатов.⁵⁵

Во-первых, существует движение за отмену ювенальной юстиции – аболиционизм основывается на фактах, подтверждающих низкую квалификацию как адвокатов, так и судей, занятых в ювенальной юстиции. Представители данной точки зре-

---

⁵⁴ В качестве примера приводится случай *Lockey v. Andrade*, когда подросток за кражу в магазине с ущербом в 200 долларов был приговорен к 25 годам лишения свободы.

⁵⁵ *Jenson J. M., Potter C. C., Howard M. O. American juvenile justice: recent trends and issues in youth offending // Social policy and administration. 2001. Vol. 35. N 1. March. P. 48-68.*

ния утверждают, что под термином «коррекционное учреждение» прячется все то же учреждение исполнения наказания, от изменения названия которого не меняются карательная суть и содержание методов работы с подростками. Наконец, аболиционисты полагают, что возраст – недостаточный критерий для оценки зрелости человека перед законом, тем более возраст не должен применяться в отношении развивающихся людей, т. е. детей и подростков. Ювенальная юстиция США, на их взгляд, мало чем отличается от общего правосудия с точки зрения учета обстоятельств преступления. Индивидуализация процесса правосудия должна основываться на совокупности учета разных факторов, в том числе и возраста, но не только. Данная тенденция подвергается самой жесткой критике, поскольку предлагает дорогостоящую систему правосудия с весьма низкими скоростями судопроизводства.

Во-вторых, присутствует тенденция распространения программ правосудия, основанных на идее служб микросообщества. Основным доводом в пользу такой работы становится необходимость уходить от идеи возмездия, тем более что продолжительный период доминирования рестриктивного подхода явно не улучшил ситуацию с преступностью среди несовершеннолетних. Преступление, совершенное подростком, рассматривается как реакция на недовольство средой, поэтому и работа должна вестись в такой среде. Сторонники данной точки зрения предлагают организовать работу микросообщества по аналогии с интенсивной пробацией. Основными методами работы становятся: консультирование семей, самих подростков; создание центров досуга и организация досуговой деятельности; активизация школьных сообществ и т. д. Оценка дороговизны подобных программ – предмет споров. Противники сравнивают стоимость программ реабилитации в сообществе с содержанием подростка в местах лишения свободы, а сторонники – и с периодом реабилитации. Поэтому и выводы об экономичности реабилитации и содержания подростка в колонии получаются диаметрально противополож-

ными.⁵⁶ Стороннему наблюдателю подобные дискуссии могут показаться политической спекуляцией, и в этом есть доля правды. Оценка затрат на интеграцию подростка после освобождения актуализирует несколько вопросов:

- как оценить затраты семейного окружения подростка (по аналогии с проблемой оценки «бесплатного» ухода матери за младенцем);

- по каким критериям измерять расходы специалистов, которые работают с подростком (потраченное время, достигнутый эффект, долгосрочность достигнутого эффекта);

- кто должен оплачивать расходы: государство, семья, а может быть, и сам подросток?

Многие специалисты видят в данной тенденции европейское влияние, которое не учитывает специфики поведения американской молодежи. Популярность насилия не может быть преодолена лишь оптимизацией жизни в микрообществе – ювенальная юстиция не может иметь только функцию реабилитации и должна сохранять задачу наказания. Невозможность встроить ювенальную юстицию в общую систему социальной помощи объясняется спецификой дизайна социальных служб в США – преобладают ведомственные службы (при школах, клиниках, детских садах и т. д.) над общими центрами помощи, которые бы охватывали разные сферы одной территории. Соответственно, судебная система, пенитенциарные учреждения имеют свой штат психологов и социальных работников. И хотя в течение 15 лет ведется дискуссия об экономической несостоятельности сложившейся системы психосоциальной помощи, пока нет проекта реформы служб в направлении развития межведомственной кооперации.

Еще одной тенденцией становится введение практики вынесения смешанного приговора – данная регуляция действует

---

⁵⁶ Cost effective youth correction, Rationalizing the fiscal architecture of juvenile justice system. Washington Dc, 2006. P. 32.

только в 18 штатах.⁵⁷ Смешанный приговор означает применение санкций, действующих как только в рамках ювенальной юстиции, так и в общей системе правосудия. Исследователи выделяют различные модели смешанного приговора:

- ювенальный суд, исключаящий смешение (осуждение в соответствии только с одной из регуляций – взрослый или несовершеннолетний), например, Нью-Мексико;

- ювенальный суд, включающий смешение (возможность применения санкций обоих типов в рамках одного дела), действует в пяти штатах;

- ювенальный суд, последовательное смешение (вначале применение санкций как для подростка, а затем, в случае рецидива, – взрослых санкций), действует в четырех штатах.

Оценка эффективности практики смешанных приговоров была осуществлена в 2000 г. Национальным центром для государственных судов. Сравнительный анализ включал: частоту применения разных типов смешанного приговора; факторы, которые влияют на выбор в пользу смешанного приговора; тип наказания в рамках разных моделей смешанного приговора.

Некоторые объединения адвокатов активно участвуют в обсуждении смешанного приговора. Так, адвокаты Арканзаса предлагают ряд рекомендаций по увязке практики вынесения смешанных приговоров с оценкой эффективности реабилитации подростка: исследование эффективности реабилитации в зависимости от модели смешанного приговора; те, кто совершил преступление в период с 10 до 13 лет, не могут содержаться в исправительных учреждениях дольше, чем до 25 лет. Пожизненное заключение, как и смертная казнь, мораторий на которую введен более двух лет назад, не должно применяться к подросткам. Пребывание в исправительном учреждении должно быть направлено на выявление и минимизацию причин совершения преступления. Соответственно,

---

⁵⁷ *Bilchik S.* State Legislative Responses to Violent Crime: 1996-97 Update // Juvenile justice bulletin. 1998. November.

до 13 лет нецелесообразно применять стратегию смешанного приговора.⁵⁸

Многие специалисты полагают, что наиболее вероятным сценарием развития ювенальной юстиции станет сочетание практики смешанных приговоров и передачи дел во взрослый суд. Штат Массачусетс представляет именно такую схему действия ювенальной юстиции и рассматривается американским истеблишментом как адекватная модель реформирования ювенальной юстиции.

Интерес профессионального сообщества юристов к проблеме соблюдения прав человека – отличительная черта современной ситуации в США. Резолюция *American BAR Association*, принятая в 2003 г., определила необходимость в максимальной степени отделить наказание от сопутствующих санкций, сделать так, чтобы наказание имело минимальные последствия для социальной мобильности человека.⁵⁹ Значительный вклад в ограничение ресоциализации вносит судебное решение и процесс его исполнения, поэтому и ответ должен быть правовым.

Итак, система правосудия в отношении несовершеннолетних в США испытывает двойное давление: извне – от международных организаций, подчеркивающих несоответствие наличия чрезмерно карающих мер наказания нормам права, и изнутри – от сообществ юристов (адвокатов, судей). Эти тенденции содействуют минимизации рестриктивной модели юстиции в целом и относительно несовершеннолетних в частности.

---

⁵⁸ Arkansas Advocates for Children and Families. Position statement on blended sentencing proposals // <http://www.aradvocates.org/archives/blendedsentencing.asp> (2001, 13 июня).

⁵⁹ *Thompson A. C.* Navigating the hidden obstacles of ex-offender reentry // *Boston College Law Review*. 2004. Vol. 45. N 2. P. 255-306.

Нидерланды: от гуманной системы уголовного правосудия для всех к общей рестриктивной модели юстиции

Выделение ювенальной юстиции в независимый институт произошло в 1901 г. после введения Закона об уголовном наказании детей. Был введен возраст рассмотрения дел в ювенальной юстиции – до 18 лет; были даны рекомендации судьям относительно применения различных видов наказания, в том числе не связанного с лишением свободы; был институционализирован ранее неформально действовавший совет по опеке детей. В 1921 г. устанавливается функционал ювенальных судей. Функция прокурора сводится к консультативной, тогда как судья наделяется полномочиями по ведению дела, принятию решения как в случае нарушения прав ребенка, так и в случае совершения несовершеннолетним противоправных действий. Таким образом, на начальной стадии развития ювенальная юстиция Нидерландов может быть отнесена к четвертому типу – и правовые механизмы, и социальные сервисы для молодых правонарушителей выделены в отдельные институты.

В период общей гуманизации уголовного правосудия в Нидерландах (1950-60-е гг.) в 1961 г. полномочия судей были еще больше расширены: судья мог определять и меру наказания, и санкции в отношении окружения ребенка. После Второй мировой войны и до начала 1980-х гг. уголовное правосудие Нидерландов отличалось высоким уровнем гуманизации: сроки лишения свободы были небольшими (в среднем менее года), заключенные автоматически освобождались после отбывания двух третей срока без введения особых процедур, связанных с условностью освобождения.⁶⁰ В этот период ювенальная юстиция полностью соотносилась с общим уголовным правосуди-

---

⁶⁰ *Wittebrood K.* Juvenile Crime and Sanctions in the Netherlands // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2003. Vol. 19. N 4. P. 435-453.

ем. В этот период ювенальная юстиция вписывалась во второй тип, поскольку для подростков в конфликте с законом действовали специальные социальные программы.

В 1980-е гг. традиционные формы обеспечения благополучия в Нидерландах были «инфицированы» процессами либерализации и усиления социального контроля. Например, люди, получающие социальные выплаты, стали рассматриваться обществом и государством как потребители и потенциальные преступники. Сроки отбывания наказания увеличились, а освобождение стало зависеть от поведения осужденных в период заключения. Вместе с ужесточением уголовного правосудия усилилась тенденция следования рестриктивной стратегии и в ювенальной юстиции. Одним из факторов усиления рестриктивной модели в ювенальной юстиции стала разработка рекомендаций Советом Европы (R(87)20), в которых было установлено, что дети до 12 лет, совершившие правонарушение, становились объектом санкций.⁶¹

Полиция получила возможность действовать по собственному усмотрению: например, она решала, отпускать ли родителей и ребенка без всяких документационных последствий или отправлять отчет прокурору и, по сути, включать ребенка в список группы риска. Масштабная институционализация новых функций полиции сочеталась с весьма неоднозначными критериями, определяющими выбор в пользу той или иной санкции. Если прежний закон предполагал трехсторонние переговоры в принятии решения о судьбе ребенка (между судьей, прокурором и службой помощи семье), то теперь такие решения могли приниматься единолично полицейским служащим. Оправдывающим доводом была необходимость принимать решения быстро. Однако в результате увеличилась нагрузка на офис прокуратуры, поскольку полиция часто при-

⁶¹ *Shoenberger A. E. The European View of American Justice // Loyola University Chicago Law Journal. 2005. Vol. 36. N 4. P. 603-611.*

мала решения передать дело прокурору, прокуроры в свою очередь принимали решения в пользу ребенка.⁶²

Комиссия Ван Монтфранса (*Van Montfrans*) в 1994 г. опубликовала концепцию ювенальной юстиции, основанную на трех принципах: ранее вмешательство (ответ на делинквентное поведение должен быть как можно более ранним – как только становится известно о делинквентном поведении); стремительность (ответ на делинквентное поведение должен быть немедленным); последовательность (интервенция относительно каждого правонарушения должна соответствовать содеянному). В течение года эти рекомендации были отражены во всех документах системы исполнения наказания как на федеральном, так и региональном уровнях, а в 1995 г. был введен и новый уголовный кодекс относительно несовершеннолетних, который существенно сблизился с кодексом для взрослых – доводом стало увеличение доли несовершеннолетних, совершающих тяжкие преступления против личности.⁶³

Стремление определить вклад общественного мнения в формирование образа делинквентного подростка привело к проведению специального исследования, в котором официальные данные были сопоставлены с анонимными отчетами подростков. Было определено, что с начала 1990-х гг. подростков чаще стали подозревать в совершении насильственных преступлений (по отношению ко всему населению той же возрастной группы подростков в 3,5 раза чаще подозревают, чем взрослых), их стали чаще арестовывать. Уменьшилась разница в отношении девушек и молодых людей – и тех, и других подозревают чаще, чем раньше.⁶⁴ Было зафиксировано, что полиция по-разному относится к несовершеннолетним представителям «коренного» населения и детям мигрантов – место

⁶² *Junger-Tas J. Youth Justice in the Netherlands // Crime and Justice. 2004. Vol. 31. P. 293-346.*

⁶³ *Ibid.*

⁶⁴ *Ibid.*

рождения остается фактором в определении поведения полиции на этапе задержания и принятия решений.

Изменения, введенные Законом 1995 г., усилили применение более строгих мер наказания, уменьшили неформальный характер взаимодействия полиции, программ реабилитации и прокуратуры. Ужесточения в отношении подростков не остались без критического осмысления. Общество управления правосудием и защиты детей⁶⁵ отметило, что оценка подростка как взрослого и его передача во взрослый суд действуют исключительно в случае совершения серьезных преступлений. Если до 1995 г. для передачи во взрослый суд требовалось, чтобы были выявлены три условия: 1) серьезность преступления; 2) наличиеотягчающих обстоятельств; 3) зрелая личность подростка (понимание содеянного), – то после принятия Закона 1995 г. стало достаточным выявление одного из условий. Для вынесения серьезных приговоров и самых суровых мер наказания было признано необходимым участие трех судей вместо одного.⁶⁶

Поскольку правовые инициативы не могли оперативно отреагировать на чрезмерное распространение рестриктивного подхода, были введены специальные социальные программы, создающие опции для работы с подростками. В 2000 г. на территории всей страны была введена программа альтернативных заключению мер наказания HALT (*Het ALTERNatief*) для тех, кто совершил первое и/или незначительное преступление в возрасте от 12 до 18 лет.⁶⁷ Подростку предписывается пройти или 240 часов учебных занятий (тренинги и программы реабилитации), или 200 часов общественных работ (рабо-

⁶⁵ Независимое объединение, контролирующее соблюдение прав несовершеннолетних заключенных.

⁶⁶ <http://english.justitie.nl/themes/juvenile-crime/index.aspx> (2007, 14 июня).

⁶⁷ Пилотная программа HALT осуществлялась с 1987 г. в Роттердаме.

та на кухнях, по благоустройству дворов и улиц, на ферме и т. д.), или комбинированный вариант (и учебные занятия, и общественные работы, максимум 240 часов). В рамках программы подросток получает возможность избежать судимости; в среднем за время существования программы 20 тыс. подростков в год становятся ее участниками. В июле 2006 г. был представлен отчет, подготовленный Исследовательским центром Министерства юстиции, в котором результаты программы HALT оценивались достаточно критично. Опрос 800 подростков и их родителей показал, что многие так и не приняли позитивных стандартов поведения. Программа оказалась эффективна относительно нескольких групп: те, кто совершили преступление впервые, осознали последствия своего поведения; те, кто имели не очень много проблем в школе и дома; те, кто имели социально одобряемые формы досуга и отвлеклись от асоциальных форм поведения; те, кто жили в небольших городах и сельской местности и были под надзором местного сообщества. Программа оказалась действенной и для тех подростков, которые были вовлечены в азартные игры и употребление легких наркотиков (но не совершали других правонарушений). Подростки отметили, что более эффективным было сочетание тренинговых программ и помощи в комьюнити, чем только общественные работы.

С августа 2001 г. действует еще одна программа превентивных мер для подростков до 12 лет, совершивших правонарушение, – *STOP-response*. Миссия программы – вовлечение детей, совершивших правонарушение, и их семей в решение таких проблем, как: конфликты и давление со стороны сверстников; асоциальное поведение кого-то из членов семьи, в том числе и в отношении ребенка; пробелы в нормах и ценностях подростка и затруднения в оценке ситуаций. Основным доводом в пользу открытия этой программы стало значительное увеличение количества детей до 12 лет в закрытых учреждениях в период с 1995 по 1999 г. Основным методом становится оказание постоянной педагогической помощи родителям –

изучение отношения родителей, вовлеченных в программу, показало, что они высоко оценивают вклад программы в улучшение детско-родительских отношений. Программа направлена на создание альтернативы помещению ребенка в закрытое исправительное учреждение.

Нидерланды характеризуются многоступенчатой системой вовлечения служб: первоначально это полиция, но если приходы подростка в полицию часты и семья остается пассивной, то подключаются Комитет по защите детей, прокуратура, ювенальный суд и т. д. Если преступление совершается в первый раз и не относится к особо серьезным (вандализм, небольшая кража, употребление легких наркотиков), то полиция направляет подростка в программы HALT или *STOP-response*. Если подросток совершает серию противоправных действий или преступление средней тяжести, решение принимается прокурором, и кроме социальных программ в отношении подростка может быть применена мера ограничения свободы, например, помещение в центр дневного или ночного пребывания. Если подросток совершает преступление после прохождения программ или серьезное преступление, то решение принимает ювенальный суд, тем более если подростка наказывают лишением свободы. Деяния подростков старше 16 лет рассматриваются взрослым судом при участии ювенального судьи.

Укоренение социальных инициатив (таких как программы HALT или *STOP-response*) постепенно уравновесило тенденцию к ужесточению ювенальной юстиции и прежний гуманистический пафос уголовного правосудия. В полиции появились специалисты, владеющие умениями работать с молодыми людьми. Обстоятельства жизни человека, совершившего преступление, вновь стали приниматься во внимание вне зависимости от возраста преступника. Наконец, несмотря на разрешение передавать дела особо опасных преступников в возрасте от 16 до 18 лет во взрослые суды, как показывает статистика за 10 лет действия этого разрешения, мало кто из сотрудников прокуратуры и ювенальных судов воспользовался этой нор-

мой. Если в первый год действия новой нормы (1995) 16% всех случаев были переданы во взрослые суды, то уже в 1999 г. – только 2,5%. Такое снижение было обусловлено введением судов-троек, выносивших вердикты, связанные с длительными сроками заключения, когда сложные дела и особо тяжкие преступления разбирались составом из трех судей (один из которых обязательно был ювенальным).⁶⁸ В 1998 г. был принят новый Закон относительно тюремного заключения несовершеннолетних, а в 2001 г. – о содержании несовершеннолетних в закрытых учреждениях. Оба Закона содействовали распространению смешанного типа отбывания наказания, когда пребывание в закрытом учреждении комбинировалось с временным пребыванием на свободе. Эти Законы были приняты без влияния исследований эффективности терапевтических программ для осужденных. Было установлено, что эффективность тренингов социальных навыков прямо связана с предоставлением заключенным возможности находиться в семье и т.д. Граница между условным наказанием и лишением свободы не абсолютна – терапевтические программы требуют смягчения условий отбывания наказания в тюрьмах, поэтому все освобождающиеся на завершающей стадии заключения (за год до освобождения) получают смягченный вариант пребывания с разрешением посещать семью.

История ювенальной юстиции в Нидерландах ставит вопрос о том, как в стране со столь давней традицией гуманного отношения к правонарушителям правосудие так стремительно изменилось в сторону ужесточения. Одним из объяснений принято считать специфику политической ситуации Нидерландов в период проведения реформы уголовного правосудия в конце 1980-х гг. Тогдашний министр юстиции Эрнст Хирш Болин (Ernst Hirsh Ballin) и премьер-министр Рууд Люберс (Ruud Lubers) были довольно ревностными католиками и использовали религиозные мотивы для популяризации идей

⁶⁸ *Junger-Tas J. Youth Justice in the Netherlands.*

спланированной справедливости и хорошо управляемой системы уголовного правосудия. Светский закон был уподоблен другим предприятиям, а значит, к закону можно было применить законы организационной эффективности. В 1990-е гг. эти тенденции были усилены и постепенной эрозией общинного религиозного плюрализма, когда усилилось влияние традиционной католической морали. Однако, кроме вклада отдельных политиков, исследователи выделяют и другие факторы, в первую очередь неопределенность позиции различных общественно-политических объединений относительно альтернативных форм наказания.⁶⁹

Германия: ювенальная юстиция как обобщение успешной практики

Развитие ювенальной юстиции в Германии интересно тем, что институциональное оформление (принятие закона о ювенальной юстиции) стало финальной стадией формирования современной модели правосудия для подростков и молодежи, а не стартовой площадкой, как во многих других странах.

В 1908 г. в судах крупных городов вводятся специалисты, которые занимаются делами, связанными с несовершеннолетними, совершившими преступления. Только после Первой мировой войны, в период Веймарской республики, возникает идея разработки специального законодательства. В 1922 г. принят Закон о благополучии несовершеннолетних (*Jugendwohlfahrtsgesetz*) относительно той группы детей, которая не получала заботы и опеки в необходимой мере,⁷⁰ а в

---

⁶⁹ Western European Penal systems. A critical anatomy / Ed. by V. Ruggiero, M. Ryan, J. Sim. London, 1995.

⁷⁰ Этот Закон был типичным примером гуманитарного патернализма: государство замещает родителей тем детям, которые не получают в семье должного внимания.

1923 г. – Закон о ювенальных судах (*JJA – Jugendgerichtsgesetz*), который не выделил несовершеннолетних преступников в отдельную категорию, наоборот, к ним применялись все те же санкции, что и ко взрослым правонарушителям. Закон оговаривал особенности ювенального судопроизводства: непубличность слушаний, применение подхода, основанного на контексте жизни подростка и т. д. Возраст наступления ответственности за уголовное преступление был повышен с 12 до 14 лет.⁷¹ Были сделаны оговорки и относительно применения образовательной коррекции вместо лишения свободы. Закон 1923 г. так и не определил, что же такое «коррекция» – возможно, из-за отсутствия четких критериев в период власти нацистов слоган «коррекция вместо наказания» был заменен на другой – «коррекция посредством наказания». В 1940 г. было введено правило обязательного заключения любого несовершеннолетнего правонарушителя хотя бы на четыре недели (шок от заключения считался приемлемой мерой перевоспитания), а в 1943 г. это правило закрепилось и в Законе о ювенальных судах. Вплоть до конца 1960-х гг. законы, определяющие процедуры и критерии решения в ювенальной юстиции, не менялись. Формирование концепции социального государства содействовало преобразованию дизайна ювенальной юстиции в Германии от государственного патернализма к социальной ответственности. Неким компромиссом между общественными устоями и гуманитарными новшествами стало смешение процедурной модели на стадии принятия решения (более жесткой) и образовательной (более мягкой) на стадии исполнения решения. Впоследствии в работу с подростками были вовлечены представители полиции и социальные работни-

---

⁷¹ К слову, только в период прихода к власти нацистов данный рубеж был опять снижен до 12 лет; впоследствии только консервативные партии типа ХДС поднимали вопрос о снижении порога наступления ответственности, но другие политические силы были единодушно против.

ки территориальных служб. Специалисты посещали неблагополучные семьи, в которых были подростки-делинквенты: задача социального работника состояла в налаживании контакта с семьей и подростком, а полицейского – в осуществлении контроля.

Принцип субсидиарности – ключевой элемент политики социального государства – трансформировался в рамках ювенальной юстиции в принцип минимального вмешательства; это означало, что лишение свободы применяется в исключительно крайних случаях и определяет неспособность общества найти адекватный способ помощи подростку.⁷² Аналогично вынесение судебного решения рассматривалось как последняя инстанция, когда иные способы перестают действовать. В отличие от Великобритании, в которой значимую роль в профилактике вторичной подростковой преступности играют полиция и система предупреждений, в памяти немцев столь силен репрессивный образ полиции времен нацизма, что полиция до сих пор воспринимается как потенциальная угроза соблюдению прав человека. Поэтому все формы пресечения усугубляются на уровне судьи или прокурорской службы.⁷³

Все преобразования ювенальной юстиции произошли без каких-либо добавлений в закон – все изменилось в процессе «реформы ювенального правосудия посредством практики» (*«Jugendstrafrechtsreform durch die Praxis»*). Только в 1990 г. после более чем 20 лет развития практики применения альтернативных форм наказания сформировавшийся организационный дизайн был закреплен в новом Законе о ювенальной юстиции. Были установлены рамки для таких процедур, как: переговоры между потерпевшей стороной и преступником; моральная и материальная компенсация жертвам преступлений; соотношение между медиацией и коррекционными меропри-

---

⁷² Western European Penal systems...

⁷³ Dunkel F. Juvenile Justice in Germany: Between Welfare and Justice. Germany, Koln 2004.

ятиями. Была установлена четырехуровневая структура мер пресечения и наказания:

1) неприменение особых санкций, кроме рекомендаций обратиться за психосоциальной помощью;

2) образовательные санкции (привлечение родителей, другие службы к реабилитации и проведение процедур медиации);

3) применение таких санкций, как предупреждение, специальные тренинги или общественные работы, определяется при участии прокурора;

4) неопределенности, когда дело только открыто, и ювенальный суд решает, на каком уровне его рассматривать невозможности принять решение судом, необходимости привлечь прокуратуру из-за неопределенности).

Минимальный срок лишения свободы 6 месяцев, максимальный – 5 лет; для подростков 14-17 лет, совершивших тяжкое преступление, за которое совершеннолетний приговаривается к 10 годам лишения свободы и больше, дают 10 лет. Аналогичное правило действует и в отношении 18-20-летних преступников. В случае хорошего поведения заключенного срок может быть уменьшен до двух лет, период probation составляет от 1 до 3 лет.

Что же позволило ювенальной юстиции Германии развиваться в направлении гуманизации и сближения с уголовным правосудием? Права заключенных защищаются в соответствии с принципом социального государства. В первую очередь это повлияло на официально принятое определение того, что есть реабилитация: «Реабилитация не означает веру в то, что каждый заключенный после ее проведения исправится, но идея ресоциализации отражает базовый принцип социального государства – право каждого гражданина на базовые свободы и доступ к их обеспечению».⁷⁴ Поскольку такое определе-

---

⁷⁴ Western European Penal systems... P. 133.

ние реабилитации входило в противоречие с идеей защиты общества и поддержки общественного интереса, в 1974 г. был принят Закон о заключенных, основанный на улучшении связи тюрем и внешнего мира через привлечение внешних людей и служб к общественному контролю и программам реабилитации.

Альтернативные меры наказания независимо от возраста совершившего преступление преследуют вполне амбициозную цель: разрешить противоречия между наказанием и благополучием осужденного. Альтернативное наказание, таким образом, становится значимым фактором развития самой системы уголовного правосудия, поскольку применение альтернатив требует значительного повышения профессионализма сотрудников системы исполнения наказания, полиции и судебной системы. В Германии определены три критерия для применения альтернативных мер наказания: состоятельность реабилитации, мера страдания от заключения и понимание вины. Альтернативы понимаются не как смягченное наказание, но как рационализация системы уголовного правосудия.⁷⁵

В отличие от Нидерландов и Великобритании Германия сохраняет социальную направленность служб пробации, – если во многих европейских странах службы пробации стали действовать как органы контроля за условно осужденными и освободившимися, то в Германии офицеры пробации остаются социальными работниками и продолжают решать задачу обеспечения доступа людей в конфликте с законом к социальным правам.

Большинство процедур судопроизводства в отношении несовершеннолетних сближаются с процедурами общего уголовного правосудия. Судебный процесс сопровождается участием социального работника, который выносит мнение о среде развития подростка и потенциале этой среды для реабилитации

---

⁷⁵ *Travis J.* Alternative sanctions in Germany: an overview of Germany sentencing practices USA, Harvard, 2006.

подростка (обычно это социальный работник одной из служб территории). Социальный работник обладает правом совещательного голоса и участвует в выборе адекватных случаю санкций.

В Германии существует дифференциация между центрами временной изоляции подростков в конфликте с законом и учреждениями временного проживания для подростков в трудной жизненной ситуации. Помещение в общий центр помощи оказывается более предпочтительной мерой пресечения, чем помещение в центр изоляции до судебного разбирательства. В Германии почти исчезли случаи неадекватного поведения сервисов в отношении помещения подростка до суда в те или иные центры временной изоляции. Проблемой остается обеспечение права оспорить решение суда в случае применения альтернативной меры наказания. Так, подросток не может оспорить решение суда о применении той или иной альтернативной меры пресечения, однако подросток и его представители могут обратиться единственный раз или в районный суд для организации повторных слушаний, или в верховный суд по нарушениям судебной процедуры.⁷⁶

Некоторые применяемые нормы также ущемляют права несовершеннолетних, например, период содержания в центрах изоляции не включается в срок лишения свободы, если срок отбывания наказания с вычетом срока пребывания в изоляции до суда оказывается меньше шести месяцев. В данном случае считается, что шесть месяцев – тот минимум, который необходим для проведения психосоциальной реабилитации. В основном недочеты немецкой системы ювенальной юстиции связаны более с общими проблемами уголовного правосудия, чем с особенностью статуса несовершеннолетнего.

С 1953 г. ювенальный суд рассматривает дела не только несовершеннолетних, но и молодых людей в возрасте от 18 до 21

---

⁷⁶ *Dunkel F.* Juvenile Justice in Germany...

года. Этой практике следуют Испания (с 2000 г.) и Литва (с 2001 г.).

Немецкой ювенальной юстиции удалось обойти негативные последствия либерализации системы уголовного правосудия. Либерализация социальной сферы привела к тому, что частные и общественные организации стали активно развивать новые сервисы, а именно передачу некоторых функций ювенальных судов микросообществу. Многие проекты начинались в общественном секторе, но постепенно переходили в частный сектор, однако принцип subsidiarity удерживал от полной приватизации данной сферы социальных услуг. Одной из первых сформировалась альтернатива традиционной службе пробации – социальный работник закреплялся за подростком и вел его от 6 до 12 месяцев. В отличие от офицеров служб пробации, каждый из которых мог вести до 70 случаев, такой ментор вел не более 15 случаев. В начале 1980-х гг. была введена новая услуга для несовершеннолетних – социальные тренинги. Тренинги группы решали сразу несколько задач: организация досуга проблемных подростков, решение повседневных проблем и доформировывание социальных навыков. В первую очередь ювенальной юстиции удалось избежать многих проблем, связанных с либерализацией, в силу применения неформальных процедур, таких как семейные конференции и круглые столы. В середине 1980-х гг. стартовал первый проект по медиации, а к началу 1990-х гг. 60% отделов по обеспечению прав детей отчитались об осуществлении подобных проектов. В 1995 г. по всей стране одновременно реализовывались 368 проектов по медиации. К моменту законодательного оформления результатов организационных изменений в сообществах было определено, что медиация – одно из наиболее перспективных направлений минимизации рестриктивной политики в отношении несовершеннолетних.

Германии пока удастся справиться и с двумя другими вызовами для гуманистической модели ювенальной юстиции – объединением Германии и постоянным притоком мигрантов. С

1984 по 1997 г. возрастает доля преступлений среди подростков, преимущественно за счет мигрантов из стран Азии и бывших стран социалистического лагеря. В этот период 83 % от всего роста всех преступлений были «обеспечены» мигрантами. Сравнение эффективности ювенальной юстиции в ФРГ и на территории бывшей ГДР показало, что за пять лет развития ювенальной юстиции земли ГДР обогнали ФРГ по ряду показателей, в первую очередь по эффективности применения альтернативных мер наказания. Отдельную проблему представляет отношение общества и служб к подросткам, детям иммигрантов. Устойчиво мнение о том, что это поколение особо расположено к совершению преступлений под действием наркотиков. Наблюдение за случаями дискриминации в судах по признаку происхождения привело к разработке отдельных программ повышения социальной мобильности семей подростков, совершивших правонарушение. В середине 1980-х гг. вводится понятие «заключенный с особыми нуждами» (по аналогии с определением «ребенок с особыми нуждами») для химически зависимых заключенных.⁷⁷

История ювенальной юстиции Германии убеждает в том, что ограничение правосудия для молодых от правосудия для взрослых становится зоной риска нарушения прав, тогда как сближение процедур и норм ювенальной и уголовной юстиций, наоборот, может содействовать лучшему обеспечению прав человека.

---

⁷⁷ Ibid.

Великобритания: неустойчивый баланс противоположных тенденций

Ювенальная юстиция в Великобритании длительное время была встроена одновременно в общее уголовное правосудие и правовое обеспечение детства. Первый Закон о детях (*Children and young persons Act*) был принят в 1933 г., существенным изменениям он был подвергнут в 1969 и 1989 гг., а последние правки были внесены в 2004 г. До 1950-х гг. принцип действия суда в интересах ребенка реализовывался посредством изъятия ребенка из семьи и помещения его в закрытые институты. Затем последовал долгий период дискуссий о негативном вкладе закрытых исправительных учреждений в жизнь ребенка. В 1969 г. был принят новый Закон о детях, который так и не был реализован в практике судопроизводства. Цель данного акта состояла в декриминализации и деполитизации системы ювенальной юстиции, уменьшении стигматизации человека по принципу его привлечения в систему уголовного правосудия. Закон строился на новом понимании источников асоциального поведения: криминальное поведение – не следствие нужды и неудовлетворения потребности, но протестное поведение, которое не было понято. Закон предполагал усиление социальных сервисов и минимизацию роли полиции, суда и системы исполнения наказания. Местные власти, представители судебной системы и исполнения наказания не принимали усиления роли социальных работников. Однако среди социальных работников ювенального суда оформилась четкая позиция: максимально вмешиваться в судопроизводство и отстаивать интересы подростка, зачастую против мнения других участников. Долгое время баланс между гуманитарной и рестриктивной позициями в отношении несовершеннолетних поддерживался борьбой социальных работников и сотрудников системы правосудия. К 1980-м гг. (началу либерализации социальной сферы и ужесточения системы уголовного правосудия) противостояние двух тенденций было усилено действи-

ем принципа бифуркации – деления несовершеннолетних преступников на категории по тяжести преступления и возрасту его совершения.⁷⁸

Как и в Нидерландах, в Великобритании усиление рестриктивной концепции правосудия в отношении несовершеннолетних было компенсировано активизацией участия социальных работников. В Акте о детях (1989 г.) зафиксированы: право социальных работников посещать любые институты, связанные с принятием решений относительно подростков в конфликте с законом; право присутствовать на дознаниях и допросах в качестве представителей ребенка и его окружения (с 1998 г. данная функция в рекомендательном порядке передана представителям локальных центров правовой помощи гражданам). Однако в 1990-е гг., в период паники по отношению к криминальному поведению молодежи, роль закрытых институтов для несовершеннолетних усилилась: в 1994 г. Законом об уголовном правосудии были введены центры временного пребывания для детей, совершивших средние и тяжкие преступления в возрасте до 14 лет. В 1996 г. был подготовлен доклад *Misspent youth* (в буквальном смысле Растраченное впустую молодое поколение, также название доклада перекликается с названием альбома британской рок-группы Shy, записанного в 1993 г., песни которого касались актуальных проблем молодого поколения), направленный на выявление того, насколько эффективно работает ювенальная юстиция. Критика в адрес затягивания судебных процедур, недостатка профилактики, невнимания к поведению правонарушителей и пробелов межведомственной кооперации стала основой новых решений в области ювенальной юстиции, принятых правительством новых лейбористов в 1997 г. Часть нововведений была зафиксирована и в Акте о преступлении и беспорядке

⁷⁸ The law and social work. Contemporary issues for Practice / Ed. by L.-A. Cull, J. Roche Palgrave. England, Open university 2001.

1998 г. Во-первых, британцы отказались от принципа *doli incapax*.⁷⁹ Во-вторых, были созданы междисциплинарные и межведомственные команды YOT (*young offending teams*), включавшие сотрудников полиции, социальных служб, офицеров служб пробации, представителей образования и здравоохранения. Целью такого институционального нововведения было увеличение количества подростков, которые попадают под наблюдение служб. Был определен приоритет одиночного заключения и возможность применения более жесткого порядка реабилитации для подростков от 10 до 17 лет. Половина срока наказания должна реализовываться в закрытом учреждении, а половина – при службах микросообществ. В-третьих, Акт ввел меры пресечения субкриминального асоциального поведения – гражданские меры пресечения; в основном эти меры применялись в отношении семей, которые нарушали порядок и мешали окружающим жить адекватной социальной жизнью, в частности, на определенных территориях был введен комендантский час для детей младше 10 лет, а также электронный мониторинг условно освободившихся подростков.⁸⁰

Поворотным моментом развития ювенальной юстиции в Великобритании стало принятие в 1998 г. Закона о правах человека (*Act of Human Rights*), предписавшего судам активно применять нормы Европейской конвенции о правах человека. Закон интерпретировал нормы Европейской конвенции как новые требования к сервисам, оказывающим социальную помощь и принимающим решения относительно судьбы несовершеннолетних, их родителей. Закон ввел в оборот новое определение действий социальных служб, местных органов власти и судебных органов – «обращение, противоречащее нор-

⁷⁹ Существование возрастного предела, после которого подросток, как полагают, начинает осознавать тяжесть содеянного; до наступления такого возраста невозможно применение мер наказания.

⁸⁰ Rumgay J. The addicted offender. Development in British policy and practice. New York, 2000.

мам права», – когда специалисты преувеличивают свое право вмешиваться в жизнь человека. В частности, примерами такого обращения стали чрезмерный контроль со стороны служб пробации, изъятие ребенка из семьи в случае неправомерного обращения. Также Закон зафиксировал разделение институций, принимающих решение (суды), и сервисов, реализующих решения. Четкая дифференциация становилась гарантией того, что даже в случае недостатка ресурсов реализовать адекватное решение в отношении подростка это решение будет принято. Таким образом, новый Закон содействовал существенному обновлению социальных сервисов.

В 1999 г. принимается Акт о правосудии в отношении молодежи и свидетельства в уголовном судопроизводстве; в систему служб вводятся элементы восстановительного правосудия. Конференции семейных групп и Панель по правонарушению несовершеннолетних (*Youth offender Panel*) становятся новыми институциями в области принятия решений.

Новейшая история ювенальной юстиции Великобритании убеждает в том, как изменения общей правоприменительной практики под влиянием разнообразных тенденций отражаются в организационном дизайне и направленности ювенальной юстиции. Мобильность британской модели гарантируется сохранением конкуренции между правоохранительными органами и социальными службами, отделением институтов, принимающих решение, от служб, которые реализуют эти решения.

Польша: двухслойная система ювенальной юстиции

Особенностью развития ювенальной юстиции в странах ЦВЕ становится сосуществование различных международных стандартов в области ювенальной юстиции: про-американских и европейских. Различие в системе ювенальной юстиции США и Европы обусловлено как общей разницей в подходах к уголовному правосудию, так и разными контекстами развития

ювенальной юстиции в последние 15-20 лет. Однако содействие реформам уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах переходного периода происходило в контексте заимствования и американских, и европейских новшеств. Поскольку не для всех стран ювенальная юстиция была чем-то абсолютно новым, противоречия в международных стандартах резонировали с исторически сложившимися противоречиями.

Страны Центральной и Восточной Европы с точки зрения развития ювенальной юстиции условно можно разделить на две группы. К первой группе будут отнесены Польша, Венгрия, которые с незначительным опозданием в 15-20 лет повторяли историю становления и развития ювенальной юстиции большинства развитых стран. Вторую группу составляют страны, в которых развитие ювенальной юстиции началось только в 90-е гг. прошлого века, после коллапса соцлагеря. Исследователи из стран первой группы настаивают на том, что период до второй мировой войны и социализма имеет значение – однако усмотреть влияние этого раннего периода достаточно сложно (аналогично тому, что Словения, единственная страна ЦВЕ, в которой социальная работа возникла в начале 20 в., как и в других развитых странах, некоторое время рассматривалась как страна режима благоприятия для развития социальной работы).

Точкой отсчета становления ювенальной юстиции считается 1918 г. – получение Польшей независимости от России, Австрии и Германии и способности к самостоятельному законодотворчеству – в Уголовный кодекс было введено общее положение о том, что несовершеннолетние (до 17 лет) не должны быть наказаны как уменьшенная копия взрослых. К 1928 г. в некоторых самых крупных городах появились особые суды, которые рассматривали только дела несовершеннолетних. Однако основательно правовые основы ювенальной юстиции были закреплены в 1932 г., вместе с введением нового Уголовного Кодекса.

Уголовная ответственность наступала с 13 лет, до этого возраста применялись только образовательные меры к малолетним правонарушителям посредством активизации роли семьи и сервисов. Те же меры применялись и к более старшим подросткам, которые не совершали особо серьезных преступлений. Основным критерием готовности подростка к исправлению становилось понимание тяжести совершенного действия (ст. 70). Недостаточность данного критерия подтверждалась многими решениями судей, которые не обращали внимания на обстоятельства жизни подростка и саму личность правонарушителя, отправляя подростков в исправительные учреждения. Противоречия в определении такой меры наказания как помещение в специальное исправительное учреждение: для одних судей (по преимуществу, сторонников репрессивной модели) это был элемент коррекции, а для других – квази-заключение (тех, кто придерживался идеи реабилитации). Также уголовный кодекс предусмотрел запрет на применение смертной казни. До 60-х гг. количество ювенальных судов было ничтожным – однако в период с 60-х по 80-е наблюдался рост ювенальных судов.

Однако вплоть до 1982 г. никаких изменений в нормах уголовного права относительно несовершеннолетних не наблюдалось (хотя в 1969 г. был введен новый Уголовно-процессуальный кодекс по аналогии с УПК СССР) – просто все, что касалось ювенальной юстиции, со времен 1928 и 1932 г. было признано валидным и имело хождение в системе правосудия. Закрытость Польши 80-х от западной рефлексии относительно негативных последствий патерналистской модели ювенальной юстиции привело к тому, что риторика кодекса 1982 г. осталась столь же далекой от реалий подростковой преступности, что и кодекс 1932 г. Фокус на реабилитации прослеживался не только в наименовании учреждений и мероприятий, но и в способах пресечения преступных действий: препятствовать деморализации и асоциальному поведению подрастающего поколения; возвращение подростков к нор-

мальной жизни посредством развития приемлемых форм поведения; усиление ответственности семьи и школы. Кодекс не давал четкого определения того, что есть деморализация: статья 4 под данное понятие относил проституцию, употребление наркотиков или алкоголя, побеги из дома, отношения с асоциальными объединениями, систематические пропуски занятий и т.д. Важно, что кодекс никоим образом не устанавливал возрастные границы для того, чтобы начать определять проведение ребенка как деморализованное. Кодекс требовал применения к несовершеннолетним только образовательных, медицинских или коррекционных мероприятий. Интересно, что не только правонарушители, но и подростки в возрасте от 13 до 18 лет с проблемами в поведении могли быть подвергнуты тем же медицинским или образовательным формам вмешательства, что и совершившие правонарушения (по направлению различных комиссий при органах образования). В соответствии с кодексом, подросток мог немедленно после совершения правонарушения или подачи заключения со стороны компетентных органов помещен в исправительное учреждение и содержаться там до 21 года. Таким образом, созданная система ювенальной юстиции была репрессивна в силу действующего патерналистского подхода.

Таким образом, ювенальная юстиция была рассеяна между ведомствами, которые занимались самым широким кругом вопросов (и как следствие, развитие правосудия для несовершеннолетних характеризовалось неопределенностью в ответственности и накладках в работе ведомств). Еще одной значимой чертой патерналистского подхода была центральная роль семейных судей и семейных судов, которые были введены в Польше в конце 70-х гг. Данный институт основывался на необходимости рассмотрения дел, связанных с интересами нескольких членов семьи одними и теми же судьями. В результате круг дел, рассматриваемых семейными судами, был весьма широк: от опеки до принудительного лечения глав семей (только в 2001 г. дела, связанные с разводами и раздельным

проживанием, были отданы в юрисдикцию гражданских судов). Власть семейных судей, как и их ответственность, была высока: все стадии рассмотрения случая, от инициации открытия (например, при решении вопроса о том, было ли поведение подростка аморальным) до вынесения решения находились под ответственностью одного судьи (в некоторых случаях – при содействии еще двух судей). В ходе расследования судьи могли обязать полицию и службы пробации выполнять те или иные распоряжения, что интересно, судьи отвечали и за мониторинг выполнения принятых решений. Критерии эффективности принятых решений при столь огромной власти судей были весьма неопределенные – изменение поведения подростка. Возможно, практически отсутствие критериев эффективности было связано с тем, что не было и четких критериев для оценки пространства жизни подростка и его личности. В первую очередь, судьи продолжали руководствоваться обстоятельствами совершения преступления, а не личностью подростка и его окружением.

Те тенденции, которые в развитых странах шли одна за другой – вначале либерализации системы исполнения наказания и ужесточение ювенальной юстиции, затем актуализация идеи восстановительного правосудия, в странах ЦВЕ происходили одновременно. Это порождало многочисленные противоречия в развитии системы ювенальной юстиции и реабилитации осужденных. В Польше данные противоречия были усилены и всей предыдущей историей развития ювенальной юстиции. Тогда как прогрессивные специалисты полагали, что сложившаяся система была весьма репрессивной, общество вслед за масс-медиа и политиками поддерживало идею чрезмерной мягкости в отношении несовершеннолетних. Текущая реформа ювенальной юстиции, которая началась в 1995 г., происходит на столкновении двух тенденций: с одной стороны, под влиянием грантодающих организаций и новых тенденций в правосудии проникает идея восстановительного правосудия и служб медиации, с другой стороны, рационализация отноше-

ния общества к проблеме преступления. Закон о несовершеннолетних изменил (введенный в июне 1995 г.) порядок применения такой меры наказания как лишение свободы – если раньше к подростку, не достигшему 17 летнего возраста, тюремное заключение применялось только после применения исправительных мер, то в соответствии с новым законом в некоторых случаях было возможным с самого начала применить тюремное заключение. Два года спустя Уголовный кодекс 1997 г. снизил возраст наступления ответственности за уголовное преступление – с 16 до 15 лет, и несколько расширил круг преступлений, за которые к подросткам применялось тюремное заключение. В то же время сократились сроки лишения свободы: к несовершеннолетним можно было применить не более двух третей срока, который приписывался совершеннолетним правонарушителям. Вместо пожизненного срока к несовершеннолетнему можно было применить срок 25 лет. В сентябре 2000 г. в парламент были представлены следующие поправки к закону о несовершеннолетних. Эти изменения были инициированы стремлением приблизить национальное законодательство к международным стандартам и соотнести этот закон с другими правовыми нормами, закрепленными в Уголовном Кодексе и Конституции (в частности, в области усиления защиты прав жертв и обеспечения законности всех процедур судопроизводства в отношении несовершеннолетних). В результате в закон была добавлена поправка, предписывающая семейным судьям и судам, по просьбе или обоюдному соглашению между пострадавшей и провинившейся сторонами, направлять дело к третьей компетентной стороне для проведения переговоров. Также были усилены процедуры по обеспечению прав подростков, помещенных в исправительные учреждения. Поправки 2000 г. имели целью ужесточить меры пресечения и наказания для тех несовершеннолетних, которые совершили особо тяжкие преступления (убийство, нанесение тяжких физических повреждений, грабеж, взятие в заложники). Подросток мог быть помещен в исправительное

учреждение при наличии подозрений в совершении преступления. Несмотря на ужесточения, принципы обеспечения благосостояния, закрепленные со времен закона 1982 г., оставались основой применяемых норм. В 2003 г. по инициативе Министерства юстиции была создана комиссия по подготовке проекта реформы ювенальной юстиции, однако до сих пор данный проект находится в стадии разработки.

Коллапс социалистической системы ассоциируется у большинства граждан стран бывшего соцлагеря с возрастанием проявления криминального поведения среди несовершеннолетних. Так ли это? Как показывает ретроспективный анализ статистики с 1987 по 2005 гг. в Польше, незначительный рост наблюдался с 1989 по 1991 и с 1993 по 1995 гг. – однако, по мнению криминологов, трудно судить – наблюдался ли действительный рост преступности, или усилилась активность граждан в обращении за помощью к полиции, а полиция более внимательно стала подходить к регистрации заявлений и жалоб (эти показатели также увеличились в период с 1987 по 1995 гг.). Поскольку в Польше, как и других странах соцлагеря, не применялись опросы пострадавших от преступлений, трудно судить об объективности данных сведений.

Рост показателей преступлений среди подростков с середины 90-х многими объясняется изменениями в Уголовном кодексе, например, вождение в нетрезвом состоянии, прежде не имевшее хождения в уголовном правосудии, стало регистрироваться как преступление, а не правонарушение. Как следствие, показатели преступности возросли на 120-140 тысяч случаев за счет арестов нетрезвых водителей. Однако показатели по тяжким преступлениям указывают на значительный рост преступности среди подростков в период с 2000 по 2003 гг.

Введение такого показателя как доля преступлений, совершенных подростками в отношении ко всем преступлениям, совершенным в тот же период времени, показывает, что преступность среди подростков идет на убыль. Согласованной

оценки динамики преступности среди несовершеннолетних так и не выработано. Одни полагают, что рост преступности чрезмерен, другие указывают не на качественные, но на количественные изменения – рост насильственных преступлений, третьи отмечают то, что рост преступности – всего лишь манипуляция с данными, поскольку изменения в подростковой преступности согласуются с общей динамикой криминального поведения. Общие установки польского ювенального правосудия остаются неясными – с одной стороны, возрастают риски благополучию тех детей, которые могут пострадать от собственного поведения, с другой стороны, единственным ответом системы становится усиление мер пресечения и наказания (в первую очередь, снижение возраста наступления уголовной ответственности до 13 лет при сохранении жесткой схемы помещения большинства подростков в закрытые исправительные учреждения). Только по наступлению 15 лет подросток, совершивший тяжкое преступление, может быть передан в уголовный суд и, его дело будет рассматриваться в соответствии с общими регуляциями уголовного правосудия. Однако семейный судья, который рассматривает дело подростка, должен руководствоваться в первую очередь обстоятельствами дела и жизни подростка при вынесении столь сурового решения. Такие противоречивые требования существенно усложнили процедуру судопроизводства.

Отличительной чертой ювенальной юстиции становятся весьма ограниченные возможности полиции и прокуратуры в принятии решений относительно подростка. Полиция обязана незамедлительно извещать семейного судью о каждом вновь открытом случае в связи с правонарушением подростка. Расследование может производиться только по обращению суда. Однако исследования показали, что полиция не во всех случаях информирует семейного судью, а может представить случай только после проведения предварительного самостоятельного расследования. Другая проблема состоит в том, что из-за недостатка мест в центрах временного пребывания для

подростков, в некоторых случаях задержанные подростки проводят в полиции более 72 часов.

Случай Польши убеждает в значимости еще одного контекста развития ювенальной юстиции, в том числе, интеграции несовершеннолетних осужденных в общество – а именно, доверие граждан различным формальным институтам уголовного правосудия и судопроизводства. Так минимизация роли полиции в реализации ювенальной юстиции связана, несомненно, с низким статусом полиции в общественном мнении и неготовностью полиции исполнять те функции, которые, например, возложены на нее в таких странах как Нидерланды и Австрия: рассмотрение простых случаев, вынесение таких мер наказания и пресечения как выговоры и предупреждения, и т.д.

Прокуратура привлекается к рассмотрению дел, связанных с несовершеннолетними преступниками, только в случае, если преступление подростка так или иначе связано с преступлением взрослых. При рассмотрении всех обстоятельств такого дела прокурор принимает решение о том, в какой суд передать дело на рассмотрение, семейный или уголовный. Также прокурор рассматривает и те дела, которые связаны с длительными сроками, когда подросток получает срок в возрасте от 13 до 17 лет, но на свободу должен выйти после исполнения 18 лет. Реабилитация встроена в процесс судопроизводства, суд может применить две основных стратегии реабилитации: первая стратегия обращена к изменению окружения ребенка и состоит в назначении опекуна, а вторая – в краткосрочном (долгосрочном) изъятии ребенка из неблагоприятной среды (например, в интернат). Последний вариант может применяться только в случае подозрения на совершение довольно тяжелого преступления, при достижении возраста 13 лет и если есть все основания полагать, что домашние условия составляют фактор риска, тогда как помещение в исправительное учреждение – фактор реабилитации. Таково официальное описание критериев применения достаточно жесткого организацион-

ного дизайна реабилитации. Решение о том, какой из двух вариантов реабилитации применять, принимается разными сервисами в соответствии с разными нормативными актами. Опекунство и специальное образование как варианты помощи определялись в рамках процедур гражданского кодекса, достаточно неформально с точки зрения процедуры. Исправительные учреждения как вариант решения находились в ведении коллегияльного суда (семейный судья и два юриста-ассистента). В случае рассмотрения дела о тяжком преступлении прокурор должен посещать слушания – все слушания по делам несовершеннолетних не публичны.

С 1993 г. количество дел, рассматриваемых семейными судьями растет – косвенно это свидетельствует о том, что ювенальная юстиция тяготеет к применению более гуманистически ориентированных технологий реабилитации. В арсенале суда имеется широкий круг мер помощи: выговор; супервизия со стороны родителей, опекунов, молодежных организаций, пробации и социальных служб; выполнение особых условий, таких как возмещение ущерба, принесение извинений перед пострадавшей стороной, выполнение бесплатной работы для компенсации затрат микросообщества, контролируемое посещение учебного заведения и контроль за присутствием на рабочем месте; участие в тренингах и терапевтических группах; запрет на посещение определенных мест; запрет на употребление спиртных напитков и наркотиков; запрет на вождение; помещение подростка в молодежный центр пробации, приемную семью, специальный образовательный центр. Центры временного размещения были подведомственны Министерству образования, но с 1995 г. они находятся в ведомстве Министерства труда и благосостояния. Тенденция к тому, чтобы применять более жесткие меры и реже – меры, связанные с улучшением окружения подростка, относится к 1993-1999 гг., последние 7 лет наблюдается рост применения первой из стратегий реабилитации. Однако с 1999 г. по 2001 г. вместе с тем резко усилилось и применение рестриктивной стратегии,

только с 2001 г. можно говорить о том, что мягкая реабилитационная стратегия вытесняет жесткую, о чем свидетельствует и качественный анализ случаев судебных разбирательств.

Сравнение различных организационных решений по реабилитации за последние годы показывает, что возрастает роль служб пробации (чаще суд приписывает этим службам осуществлять супервизию за подростками); сохраняется тенденция реже помещать подростка в закрытые учреждения; часто применяются различные процедуры ограничения свободы подростка. Такая динамика, по мнению аналитиков, свидетельствует об оптимизации ювенальной юстиции в Польше.

Шмидт Виктория Рудольфовна

**Интеграция подростков в конфликте с законом:
зарубежный опыт**

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»
10100 Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7.
Тел.: (495) 621-03-20. Факс: (495) 621-10-24.

